

ЮЛИЙ ЛЮЦИФЕР

Измена
ДРАКОНА
НЕНУЖНАЯ ЖЕНА
ТРЕБУЕТ РАЗВОДА

Юлий Люцифер

**Измена дракона. Ненужная
жена требует развода**

«Литнет»

2026

Люцифер Ю.

Измена дракона. Ненужная жена требует развода /

Ю. Люцифер — «Литнет», 2026

В ночь годовщины брака мой муж-дракон изменил мне с бывшей невестой. Весь замок ждал, что я смолчу. Его мать — чтобы сохранить лицо рода. Любовница — чтобы занять мое место. Сам Дамиан — чтобы я не разрушила то, что держалось на старых клятвах. Но я не прежняя Эвелина Роувен. В моем мире я уже пережила предательство и развод. Теперь я очнулась в теле ненужной жены драконьего лорда — и больше не собираюсь быть удобной. Я требую развод. Только брачная клятва дракона связана с Огненным Сердцем рода. Если разорвать ее неправильно, замок погибнет. Если промолчать — мое место займет женщина, которая уже украла слишком много. Пусть Суд Пламени решит, кто здесь предатель. А я впервые скажу правду вслух.

© Люцифер Ю., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог. Ночь измены	5
Глава 1. Жена, которая потребовала развод	11
Глава 3. Брачная клятва дракона	20
Глава 4. Письма, которых я не писала	29
Глава 5. Семь дней до Суда Пламени	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Пролог. Ночь измены

Эвелина поняла, что в замке слишком тихо, еще до того, как увидела свет под дверью покоев мужа.
 Крайтхолл никогда не молчал по-настоящему. В нем всегда что-нибудь жило: ветер стонал в бойницах, море внизу било в черные утесы, цепи подъемного моста скребли камень, а в глубине, под подвалами и старыми усыпальницами, глухо дышало Огненное Сердце рода Эштаров. Даже ночью замок оставался настороже, как зверь, который спит с открытыми глазами.
 Но сегодня его тишина была иной.
 Не пустой.
 Напряженной.
 Так молчат перед ударом.
 Эвелина остановилась посреди длинного перехода и приложила ладонь к стене. Камень под пальцами оказался теплым. Не от факелов, не от очагов, не от летнего воздуха, которого на севере Арденвейла почти не знали. Тепло шло снизу, из глубины, где родовое пламя драконов веками держало землю, власть, клятвы и кровь.
 Брачная метка на ее запястье жгла.
 Эвелина опустила взгляд. Тонкая золотая вязь, когда-то ясная и чистая, теперь темнела по краям, словно под кожу вползал пепел.
 — Миледи, прошу вас, — прошептала Тая за ее спиной.
 Служанка едва поспевала за ней, кутаясь в серую шаль. Девятнадцать лет, тонкие запястья, испуганные глаза и привычка говорить так тихо, будто сам воздух в Крайтхолле мог донести ее слова не тем людям.
 — Вернитесь. Господин не велел...
 Эвелина медленно повернула голову.
 — Господин не велел мне жить?
 Тая побледнела.
 — Нет, миледи. Я не это хотела сказать.
 — Знаю.
 И Эвелина пошла дальше.
 Полы ночного платья путались у ног. Она вышла из своих покоев без накидки, без перчаток, без служебного колокольчика, которым законная жена главы рода могла вызвать половину замка. Смешно. У нее было право звонить в серебряный колокольчик, но не было права быть услышанной.
 Сегодня вечером за ужином Дамиан почти не смотрел на нее.
 Леди Октавия говорила о поставках зерна, о жалобах рыбаков с Красного фьорда, о северной дороге, которую снова занесло каменной осыпью. Капитан Ридан докладывал о дозорах. Кайрен, младший брат Дамиана, лениво вертел кубок и бросал острые замечания, будто весь ужин был скучным спектаклем.
 А Лиора Вейр сидела слишком близко к хозяину замка.
 Не на месте жены. Октавия не допустила бы прямого оскорбления при всем столе. Но достаточно близко, чтобы каждый понял: ей позволено то, чего не позволяли другим женщинам. Наклоняться к Дамиану. Говорить ему почти на ухо. Касаться кончиками пальцев края карты, которую он развернул перед собой, будто северные земли уже принадлежали ей.
 Лиора была красива мягкой, опасной красотой. Темно-медные волосы лежали на плечах тяжелой волной. Белая шея. Тонкие руки. Пепельный перстень дома Вейров на среднем пальце. Она улыбалась не губами, а веками, и от этой улыбки мужчины чувствовали себя избранными, женщины — грубыми, а правда — неловкой.
 Когда Эвелина уронила нож, Лиора подняла его первой.
 — Осторожнее, леди Эвелина, — сказала она ласково. — Вы сегодня совсем бледная. Слабость опять возвращается?
 За столом стало тише.
 Дамиан даже тогда не посмотрел на жену. Только коротко бросил:
 — Эвелина нездорова.
 Словно закрыл вопрос.
 Словно она была не женщиной, сидевшей напротив него в годовщину их брака, а неудобным пятном на белой скатерти.
 Годовщина.
 Эвелина едва не рассмеялась в темном коридоре, но смех застрял в горле сухим, горьким комком.
 Три года назад ее привезли в Крайтхолл в белом платье Роуенов, с замерзшими пальцами и надеждой, которую теперь было стыдно вспоминать. Ей сказали: дракон суров, но справедлив. Брак нужен обоим домам. Если будешь терпеливой, он увидит в тебе не только договор.
 Она была терпеливой.
 Училась ходить по залам, где каждое слово отзывалось эхом. Запоминала имена родов и старые обиды между ними. Разбирала хозяйственные книги рядом с Октавией, хотя та неизменно говорила: “Не утруждайтесь, дитя, вам это ни к чему”. Писала брату Марку письма, в которых старалась не жаловаться. Ждала Дамиана из поездок. Перевя-

звала ему руку после стычки у северной заставы. Молчала, когда Совет называл ее тихой. Улыбалась, когда лекарь говорил о слабой крови Роуенов. И каждый месяц, когда становилось ясно, что наследника снова не будет, выдерживала еще один взгляд Октавии. Не злой. Хуже. Сожалеющий. Словно Эвелина была дорогой чашей с трещиной: жалко выбросить, невозможно поставить на главный стол. Свет под дверью покоев Дамиана дрогнул. Эвелина остановилась. За дверью тихо рассмеялась женщина. Не громко, не бесстыдно. Почти нежно. Так не смеются с чужим мужем в его покоях после полуночи, если боятся быть услышанными. Тая за ее спиной всхлипнула и тут же зажала рот рукой. — Миледи. . . Эвелина подняла ладонь, не глядя на нее. На двери покоев Дамиана лежала родовая печать Эштаров: черный дракон, обвитый золотым пламенем. В ночь после свадьбы эта печать открылась перед Эвелиной впервые. Дамиан тогда стоял рядом — высокий, темноволосый, с золотыми прожилками в черных глазах, с лицом человека, который привык, что мир уступает ему дорогу. Он взял ее за руку и произнес слова брачной клятвы ровно, без дрожи, без нежности, но честно: — Моя кровь признает твою. Мое пламя не сожжет тебя. Мой дом не отринет тебя. Тогда метка на ее запястье вспыхнула золотом. Сегодня она темнела. Эвелина коснулась печати. Дверь открылась. Сначала она увидела не их. Она увидела комнату. Тяжелый письменный стол, заваленный картами северных земель. Кубок на полу, опрокинутый, с темным пятном вина на ковре. Две свечи у окна, почти догоревшие. Расстегнутый мужской камзол на спинке кресла. Женскую заколку с пепельным камнем возле чернильницы. А потом — Дамиана. Он стоял у камина в одной рубашке, распахнутой у ворота. Черные волосы падали на лоб. На скуле горела красная царапина, будто кто-то провел ногтем по коже. Его губы были суровы, но не удивлены. Нет. Он не выглядел человеком, которого застали. Он выглядел человеком, которого наконец заставили посмотреть на последствия. Рядом с ним, завернувшись в темно-золотой плащ Дамиана, стояла Лиора. На ее белом плече виднелся след мужских пальцев. Мир не рухнул. Эвелина вдруг ясно поняла: миры рушатся громко только в песнях. На самом деле все происходит почти беззвучно. Просто внутри обрывается последняя нить, за которую ты держалась, и становится странно легко. Так легко, что можно стоять прямо, не дрогнуть, не заплакать, даже смотреть на женщину, которая еще вчера улыбалась тебе за ужином. Лиора первой нарушила молчание. — Леди Эвелина, — сказала она мягко. — Вам не следовало приходить. Не “простите”. Не “это не то, что вы думаете”. Не стыд. Только досада, что ненужная жена вошла не вовремя. Эвелина посмотрела на Дамиана. — Скажи ей выйти. Он молчал. Пламя в камине дернулось и на миг стало белым. — Дамиан, — повторила Эвелина. — Скажи ей выйти. Лиора опустила глаза, но губы ее дрогнули. Почти улыбка. Почти жалость. — Не унижайтесь, — тихо сказала она. — В этом доме и так все слишком долго делали вид, что вы занимаете место, которое вам принадлежит. Тая за дверью испуганно ахнула. Дамиан резко повернул голову к Лиоре: — Довольно. Одно слово. Не защита жены. Не ярость за оскорбление. Просто приказ прекратить неприятную сцену. Эвелина почувствовала, как жжение на запястье поднялось выше, к локтю. По коже поползли тонкие темные линии. Брачная метка не просто темнела — она трескалась. — Это правда? — спросила она. Голос прозвучал спокойно. Даже слишком спокойно. Дамиан смотрел на нее так, как смотрел на сложные донесения: быстро оценивая ущерб. — Сейчас не время. — Для чего? — Для разговора. Эвелина медленно кивнула. — А для измены время нашлось. Лиора втянула воздух, будто ее оскорбили грубостью. Дамиан шагнул вперед. Пламя за его спиной бросило на стену огромную тень, и в этой тени угадывались раскрытые драконьи крылья. — Эвелина, вернись в свои покои. Завтра мы все обсудим. — Завтра? Она едва слышно рассмеялась. Дамиан поморщился. — Не устраивай сцену. Вот оно. Не “прости”. Не “я виноват”. Не “как ты это выдержала”. Не “убирайся,

Лиора”.
Не “я нарушил клятву”.
Только: не устраивай сцену.
Эвелина сделала шаг в комнату. На нее пахло вином, дымом, мужской кожей и чужими духами — горькими, сладкими, пепельными. Запах Лиоры был везде: на воздухе, на кресле, на золотом плаще, на той части жизни, куда Эвелину никогда не впускали.
— В день нашей годовщины, — сказала она. — В доме, где меня три года учили молчать, терпеть, не мешать, не просить, не ждать лишнего. Ты выбрал даже ночь красиво, лорд Эштар.
В его глазах мелькнуло раздражение.
— Ты не понимаешь...
— Нет, — перебила она. — Сегодня я как раз все поняла.
Лиора чуть подняла подбородок.
— Миледи, иногда браки заключают ради долга, а сердце выбирает другое.
Эвелина повернулась к ней.
— Сердце? Вы принесли сюда сердце?
Лиора побледнела, но быстро взяла себя в руки.
— Вы больны. Вам больно. Я понимаю.
— Не понимаете, — тихо сказала Эвелина. — Вы пришли в спальню чужого мужа с пепельным перстнем на пальце и решили, что плащ на плечах уже делает вас хозяйкой.
Глаза Лиоры потемнели.
— Осторожнее.
— С чем? С правдой? Не бойтесь. В этом доме ее давно никто не трогал, она отвыкла кусаться.
— Эвелина, — резко сказал Дамиан.
Она снова посмотрела на него.
Гордый. Красивый. Чужой.
Когда-то она думала, что под его холодом есть усталость, долг, одиночество. Ей казалось, если не требовать слишком много, не давить, не жаловаться, он однажды увидит ее. Не жену по договору, не слабую Роувен, не женщину без наследника. Ее.
Какой глупой надо быть, чтобы ждать милости от дракона, который даже изменяет не прячась?
Под замком гулко ударило.
Раз.
Стены вздрогнули.
Лиора схватилась за край кресла. Дамиан резко повернулся к окну, но Эвелина уже знала: это не море и не обвал.
Огненное Сердце.
Второй удар прошел через камень, через пол, через кости.
Брачная метка вспыхнула черным золотом.
Эвелина вскрикнула и схватилась за запястье. Боль оказалась такой, будто ей в вену влили расплавленный металл. Перед глазами потемнело. Она услышала, как Тая бросилась к ней, но невидимая сила отшвырнула служанку назад.
На лице Лиоры мелькнуло не испуг — досада.
И Эвелина увидела то, чего не должна была видеть.
У камина, на низком столике, стояла серебряная чаша. Не та, из которой пили вино. Слишком старая, с драконьими крыльями по краю и черными знаками внутри. На дне чаши темнела густая капля крови, смешанная с золотым пеплом.
Кровь.
Пепел.
Брачная клятва.
Эвелина сделала шаг к чаше, но Дамиан перехватил ее за плечи.
— Не трогай.
Она подняла на него глаза.
— Что вы сделали?
Он не ответил.
Ответила Лиора.
— То, что должно было быть сделано давно.
Голос ее изменился. Мягкость исчезла. Под ней оказалась сталь — тонкая, холодная, отточенная.
— Ваш брак был ошибкой. Род Эштаров задыхается рядом с вами. Сердце слабеет, наследника нет, печать молчит. Вы три года занимали место, которое не могли удержать.
— Молчать, Лиора, — сказал Дамиан.
Но поздно.
Эвелина смотрела на чашу и вдруг понимала, что измена была не только изменой. Не только телом. Не только унижением. В этой комнате нарушили нечто большее.
Ее клятву.
Ее право.
Ее кровь.
Под кожей на запястье что-то лопнуло.
Перед глазами вспыхнуло чужое воспоминание: темная рука над брачным договором, пепел на белой бумаге, голос мужчины, которого она не знала: “Роувены подпишут. Девчонка будет слабой. Главное — не дать метке проснуться”.
Эвелина пошатнулась.
— Вы переписали договор, — прошептала она.
Лиора замерла.
Дамиан нахмурился.
— Что?
— Не сейчас, — быстро сказала Лиора. — Она бредит. Метка повреждена, это бывает при...
— При чем?
— Эвелина повернулась к ней. — При предательстве?
Третий удар Огненного Сердца был таким сильным, что в камине погасло пламя.
Комната на миг утонула во тьме.
А потом от двери послышался другой голос:
— Что здесь происходит?
Леди Октавия стояла на пороге в темном платье, с серебряной сеткой на убранных волосах. За ее спиной толпились двое слуг, бледная Тая и капитан Ридан, успевший прийти с мечом у пояса.
Октавия посмотрела сначала на Дамиана, потом на Лиору в его плаще, потом на Эвелину.

На миг старая хозяйка замка закрыла глаза.
 Не от сочувствия.
 От усталой злости.
 — Все вон, — сказала она.
 Лиора выпрямилась.
 — Леди Октавия...
 — Вон.
 В голосе Октавии было столько власти, что даже Лиора не сразу нашлась с ответом. Она медленно сняла с плеч плащ Дамиана и положила на кресло. Проходя мимо Эвелины, задержалась на мгновение.
 — Не всякая клятва держится на жалости, — шепнула она.
 Эвелина ответила:
 — И не всякая любовница становится женой.
 Лиора ударила бы ее, если бы рядом не стоял Ридан.
 Когда дверь за ней закрылась, в комнате остались четверо: Дамиан, Эвелина, Октавия и Тая у порога, которую никто не считал достаточно важной, чтобы выгнать.
 Октавия первой подошла к чаше. Увидела кровь. Знаки. Пепел. Ее лицо стало каменным.
 — Кто позволил это сделать в покоях главы рода?
 Дамиан молчал.
 — Я задала вопрос, сын.
 — Это не должно было зайти так далеко.
 Эвелина усмехнулась.
 Октавия резко обернулась к ней:
 — Вам лучше вернуться к себе.
 — Лучше?
 — Утром мы решим, как объяснить ваше недомогание.
 — Мое недомогание?
 Эвелина смотрела на старую хозяйку и вдруг понимала: сейчас ее снова будут складывать в удобную форму. Назовут боль болезнью. Предательство — ошибкой. Унижение — семейным делом. Ритуал — недоразумением. Лиору спрячут в гостевом крыле, Дамиан уедет к дозорам, Октавия запретит слугам говорить, а Эвелина снова будет сидеть у окна со своей треснувшей меткой и делать вид, что ее жизнь не разбили в ночь годовщины брака.
 — Нет, — сказала она.
 Октавия прищурилась.
 — Что — нет?
 — Я не вернусь в свои покои молча.
 Дамиан устало провел рукой по лицу.
 — Эвелина, ты не в себе.
 — Наконец-то.
 Он поднял взгляд.
 Она почувствовала странную легкость. Боль стала такой огромной, что перестала помещаться в теле. И вместе с ней из глубины поднялось что-то острое, забытое, почти чужое. Не сила — еще нет. Только ее отголосок. Как искра под толстым слоем золы.
 — Три года я была в себе, лорд Эштар. В той себе, которую вам было удобно видеть. Тихой. Бледной. Благодарной за место за вашим столом. Сегодня я впервые не в себе. И знаете, мне так легче дышать.
 Тая у двери беззвучно заплакала.
 Дамиан шагнул ближе:
 — Ты не понимаешь, что поставлено на карту.
 — Понимаю. Ваше имя. Ваш род. Ваша гордость. Ваша любовница. Ваше право решить за всех, как будет называться ваша измена.
 — Довольно.
 — Нет.
 Слово вышло тихим, но стены вдруг отозвались на него слабым гулом.
 Октавия побледнела.
 — Эвелина...
 Но та уже смотрела только на Дамиана.
 — Ты нарушил брачную клятву.
 Его лицо стало жестким.
 — Осторожнее с такими словами.
 — Почему? Они опаснее того, что ты сделал?
 Он молчал.
 — В ночь свадьбы ты сказал: “Мой дом не отринет тебя”. Сегодня твой дом смотрит, как меня отринули в твоих покоях.
 Дамиан резко выдохнул.
 — Ты хочешь публичного позора?
 — Нет, — сказала Эвелина. — Я хочу развода.
 Тишина после этих слов стала почти живой.
 Даже Огненное Сердце будто замерло.
 Октавия медленно выпрямилась.
 — Не говорите того, чего не понимаете.
 — Я понимаю достаточно.
 — Развод с главой драконьего рода не прихоть обиженной девочки.
 — А измена с бывшей невестой — не слабость усталого мужчины.
 Дамиан посмотрел на нее так, будто видел впервые.
 Может быть, так и было.
 — Развод невозможен, — сказал он.
 — Значит, сделаем невозможное.
 — Эвелина.
 — Нет. Больше не “Эвелина” тем голосом, которым зовут собаку к ноге.
 Он вздрогнул едва заметно, но она увидела.
 И от этого стало не легче. Только больнее.
 Потому что в нем все-таки было что-то живое. Просто не для нее. Не вовремя. Не там, где она ждала.
 Метку снова пронзило болью.
 Эвелина стиснула зубы, но колени подогнулись. Тая бросилась к ней.
 — Миледи!
 На этот раз невидимая сила не оттолкнула служанку. Девушка успела подхватить ее за плечи.
 — Госпожа, прошу, вам надо лечь...
 Кожа на запястьях почернела. Золотая вязь лопалась одна линия за другой. Из трещин выступал тусклый свет, словно под кожей горел умирающий уголь.
 Дамиан резко побледнел.
 — Октавия.
 — Я вижу.
 В голосе старой

хозяйки впервые прозвучал страх.
 — Что с ней? — спросила Тая.
 Никто ей не ответил.
 Эвелина попыталась сделать вдох и не смогла. Воздух стал густым, горячим. В висках застучало. Перед глазами снова вспыхнули обрывки: ее собственная рука, пишущая письмо Дамиану; брат Марк, отворачивающийся от нее; Лиора у двери лекарской комнаты; пепел на чаше; мужской голос: “Когда дракон сам нарушит клятву, Сердце откроет вторую дверь”.
 Она не знала этого голоса.
 Но знала, что он принадлежит врагу.
 — Дамиан, — прошептала она.
 Он оказался рядом. Подхватил ее прежде, чем она упала. Руки у него были горячие, сильные, почти бережные. Как жестокая насмешка.
 — Кто переписал договор? — спросила она.
 Его глаза сузились.
 — Что ты сказала?
 — Вейры... — Голос сорвался. — Они... не письма... договор...
 Октавия резко обернулась к чаше.
 Тая плакала уже открыто:
 — Госпожа, держитесь, пожалуйста.
 Эвелина хотела сказать ей, что все хорошо.
 Какая глупая ложь.
 Ничего не было хорошо.
 Она прожила три года в чужом холоде, ждала тепла от человека, который берег пламя для другой, и теперь умирала в его руках от клятвы, которую кто-то подделал задолго до этой ночи.
 Дамиан наклонился ниже.
 — Эвелина, смотри на меня.
 Она посмотрела.
 Впервые за долгое время он смотрел не мимо. Не сквозь. Не на слабую жену, не на ошибку договора, не на женщину, которая не родила наследника.
 На нее.
 Поздно.
 Как же поздно.
 — Не смей, — сказал он хрипло. — Слышишь? Не смей уходить.
 И вот тогда Эвелина все-таки рассмеялась.
 Тихо. Почти беззвучно. С кровью на губах.
 — Приказываешь?
 Его лицо дрогнуло.
 — Нет.
 — Поздно учиться.
 Огненное Сердце ударило в четвертый раз.
 В комнате вспыхнул золотой свет. Чаша на столике треснула. Пепел взвился вверх черной струей, закружился над ними, и в этом вихре Эвелина увидела лица женщин. Бледные, строгие, усталые. Те, кого до нее называли тихими. Слабыми. Ненужными.
 Одна из них протянула руку.
 Не к Дамиану.
 К ней.
 “Помни”.
 Эвелина не знала, произнесла ли это женщина из видения или сама метка под кожей.
 Боль оборвалась внезапно.
 Тело стало легким.
 Слишком легким.
 Она уже не чувствовала рук Дамиана. Не слышала плача Таи. Не видела Октавию, которая впервые за много лет забыла, как держать лицо.
 Остался только темный потолок, золотые искры и мысль, такая ясная, что она не могла принадлежать умирающей женщине:
 Ненужной быть больше не больно, когда тебя уже нет.
 Потом свет погас.
 И в той пустоте, куда провалилась Эвелина Роуен, вдруг ударил совсем другой звук.
 Резкий.
 Чужой.
 Невозможный.
 Скрежет тормозов.
 Крик.
 Мокрый асфальт под щекой.
 Мужской голос из прошлой жизни:
 — Нина, ты сама виновата, ты довела меня до этого развода...
 Женщина на дороге пыталась вдохнуть. Над ней мигал светофор. В сумке, распахнутой рядом, лежала папка с документами: раздел имущества, заявление, копии переписок, фотографии, доказательства измены.
 Нина Руднева знала эту боль.
 Не магическую. Не драконью.
 Обычную человеческую боль женщины, которой однажды сказали: “Не устраивай сцену”.
 Она хотела подняться, но тело не слушалось. Мир пах бензином, дождем и кровью. Где-то рядом звонил телефон. На экране высвечивалось имя бывшего мужа.
 Нина подумала с внезапной злостью: только не сейчас.
 И темнота сомкнулась.
 А потом она снова вдохнула.
 Воздух был горячим и горьким.
 Пахло дымом, вином, морской солью и чужими духами.
 Кто-то держал ее за руку. Кто-то плакал рядом. Где-то глубоко под камнем билось огромное сердце, и каждый его удар отдавался в костях.
 Нина открыла глаза.
 Над ней склонился незнакомый мужчина.
 Красивый до злости. Темноволосый, бледный, с черными глазами, в которых горело золото. На его лице было такое выражение, будто он впервые в жизни испугался и не знал, что делать со своим страхом.
 — Эвелина, — хрипло сказал он. — Слышишь меня?
 Имя было чужим.
 Комната была чужой.
 Тело было чужим.
 А боль — знакомой.
 Нина медленно повернула голову. У камина стояла медноволосая женщина в смятом платье. У двери — строгая пожилая дама с каменным лицом. Рядом на коле-

нях плакала юная служанка.
 На запястье Нины чернела треснувшая золотая метка.
 Она не понимала, где находится.
 Не понимала, почему руки такие тонкие.
 Не понимала, почему под кожей горит огонь.
 Но одну вещь поняла сразу.
 Здесь тоже ждали, что преданная жена промолчит.
 Нина сглотнула. Горло саднило. Губы слушались плохо, но она все-таки выговорила:
 — Кто... ты?
 Мужчина замер.
 В комнате стало так тихо, что можно было услышать, как догорает треснувшая чаша на столике.
 — Дамиан, — сказал он медленно. — Твой муж.
 Нина посмотрела на него.
 Потом на медноволосую женщину.
 Потом снова на него.
 В памяти чужого тела вспыхнуло: его руки на плечах другой, золотой плащ, тихий смех за дверью, слова “не устраивай сцену”.
 Нина с трудом села. Мир качнулся. Служанка попыталась удержать ее, но она подняла ладонь.
 — Муж, — повторила она.
 Дамиан протянул руку.
 — Тебе нельзя вставать.
 Нина посмотрела на его пальцы так, будто он предложил ей цепь.
 — Не трогай меня.
 Он отдернул руку.
 Хорошо.
 Значит, понимает приказы.
 Нина вдохнула глубже. Боль разлилась по груди, но вместе с ней поднялось другое чувство — холодная, взрослая, почти спокойная ярость. Не истерика. Не отчаяние. То, что остается после предательства, когда слезы уже однажды выплаканы в другой жизни и второй раз ты не собираешься платить ими за чужую подлость.
 Она посмотрела на Дамиана Эштара — мужа чужого тела, дракона, предателя, хозяина замка, который привык решать, кому говорить, кому молчать, кому жить рядом с ним тенью.
 — Раз ты мой муж, — сказала Нина тихо, — запомни с первого раза.
 Он не моргнул.
 — Что?
 Она подняла запястье с треснувшей меткой.
 — Я требую развод.

Глава 1. Жена, которая потребовала развод

Слово повисло в комнате так тяжело, будто его не произнесли, а бросили на каменный пол. Развод. Нина не знала здешних законов, не понимала, как называется королевство, почему под замком билось огромное горячее сердце и отчего на запястье у нее чернела золотая вязь, похожая на ожог. Зато она слишком хорошо знала мужское лицо в миг, когда женщина перестает плакать и начинает говорить делом. У Дамиана Эштар это лицо было красивым, холодным и растерянным. Он явно привык к страху. К покорности. К женским слезам, которые можно переждать, пока они высохнут. К тому, что его слово тяжелее чужой боли. Но не привык к тому, что женщина, только что едва не умершая у него на руках, смотрит прямо и требует развода. — Ты не понимаешь, что говоришь, — произнес он наконец. Голос низкий, с хрипотцой. В нем еще держался испуг, но поверх испуга уже поднималась привычная власть. Та самая, от которой стены, наверное, веками становились послушнее. Нина медленно перевела взгляд на его руку, все еще протянутую к ней. — Не трогай меня. Пальцы Дамиана сжались. Он отступил на полшага. Медноволосая женщина у камина тихо выдохнула. Нина уже знала ее имя из обрывков чужой памяти: Лиора. Бывшая невеста. Любовница. Женщина в золотом плаще чужого мужа. В другой жизни Нина видела таких. Не с пепельными перстнями и не у каминов в драконьих замках, конечно. Там были дорогие рестораны, переписки с сердечками, командировки, запах чужих духов на рубашке и фраза: “Ты все неправильно поняла”. Но выражение лица у женщин, занявших чужое место, всегда было одинаковым. Смесь торжества, тревоги и оскорбленной невинности. — Леди Эвелина нездорова, — сказала Лиора мягко. — Ей нужен лекарь, а не... — А не правда? — Нина повернула голову. Губы болели. Горло саднило так, будто она кричала всю ночь, хотя кричала, кажется, не она. Или не только она. Лиора чуть приподняла подбородок. — Не стоит говорить о вещах, которых вы сейчас не способны оценить. Нина усмехнулась. — А вы у нас кто? Лекарь? Судья? Или женщина, которую застали в покоях моего мужа после полуночи? В комнате кто-то шумно втянул воздух. Юная служанка, Тая, сидевшая рядом на коленях, вцепилась пальцами в край покрывала, на которое Нину успели опустить после того, как прежняя хозяйка тела умерла или ушла туда, откуда не возвращаются. Лиора побледнела не от стыда. От злости. — Вы забываетесь. — Нет, — сказала Нина. — Похоже, я как раз вспоминаю. И это было правдой. Чужая память не шла ровно. Она била вспышками: длинный стол, Октавия во главе, Дамиан без взгляда, Лиора слишком близко к нему; холодные покои; письма, на которые брат отвечал редко и сухо; лекарь с неприятно мягкими пальцами; шепот слуг; месяцы ожидания наследника, которого не было; ночи, когда Эвелина стояла у окна и думала, что, если станет еще тише, еще удобнее, еще правильнее, ее наконец заметят. Нину от этих воспоминаний мучило сильнее, чем от боли. Пожилая женщина у двери сделала шаг вперед. Леди Октавия Эштар. Мать Дамиана. Старая хозяйка замка. В прямой спине — привычка властвовать, в лице — усталое презрение к беспорядку, который нельзя сразу убрать слугами. — Леди Эвелина, — сказала она ровно, — сейчас вы не в состоянии принимать решения. — Зато в состоянии понимать, с кем мой муж проводил ночь. Октавия едва заметно дернулась. — В больших родах есть обстоятельства, которые женщина обязана учитывать. Нина посмотрела на нее внимательно. В другой жизни такие женщины тоже были. Свекрови, матери, тетки, подруги семьи. Они садились напротив в аккуратных костюмах и говорили: “Ну что ты хочешь, мужчины иногда ошибаются”, “Не выноси сор из избы”, “Подумай, как это выглядит”, “Разрушить семью легко”. Они всегда называли семью то, что держалось на молчании одной женщины и удобстве другого человека. Нина опустила взгляд на чернеющую метку. — Обязана? — Вы жена главы рода Эштаров. —

Именно поэтому я имею право говорить о нарушенной клятве.
 Дамиан резко поднял голову.
 — Осторожнее.
 В этом слове было предупреждение. Не просьба.
 Нина повернулась к нему.
 Тело слушалось плохо. Внутри все дрожало, будто ее собрали из осколков и забыли закрепить. Но ярость держала лучше любого лекарства.
 — Вы все здесь любите это слово? Осторожнее. Молчите. Вернитесь в покои. Не устраивайте сцену. А с изменой надо было тоже осторожнее, лорд Эштар.
 Тая судорожно всхлипнула и тут же закрыла рот.
 Дамиан смотрел на Нину так, будто с каждым ее словом прежняя Эвелина исчезала у него на глазах. Может, так и было. Прежняя Эвелина умерла от чужой подлости, от треснувшей клятвы, от боли, которую ей велели назвать недомоганием.
 А вместо нее пришла Нина Руднева, женщина, которая однажды уже стояла посреди своей кухни с распечатанными переписками в руках и слушала, как муж говорит: “Ты все портишь своей истерикой”.
 Тогда она плакала.
 Потом собрала документы.
 Потом выиграла развод так чисто, что его адвокат в коридоре суда не смотрел ей в глаза.
 И сейчас, в чужом мире, в чужом теле, перед драконом и его любовницей, Нина вдруг почувствовала не слабость, а странную ясность.
 Схема была знакомая.
 Муж предал.
 Род требовал молчать.
 Любовница изображала достоинство.
 Значит, начинать надо не с слез, а с фиксации фактов.
 — Тая, — сказала она.
 Служанка испуганно подняла лицо.
 — Да, миледи?
 — Кто в этой комнате видел леди Лиору в покоях моего мужа?
 Тая замерла.
 Лиора резко шагнула к ней:
 — Не смей впутывать служанку.
 — Уже впутали, — Нина даже не повысила голос. — Она стояла у двери, когда я вошла. Капитан тоже был здесь?
 Капитан Ридан, высокий мужчина у порога с суровым лицом и мечом у пояса, чуть склонил голову.
 — Я прибыл на шум, миледи.
 — И что увидели?
 Он бросил короткий взгляд на Дамиана.
 Взгляд человека, привыкшего служить приказу.
 — Капитан, — сказала Нина. — Я спрашиваю не мнение. Только факт.
 Ридан помолчал.
 — Леди Вейр находилась в покоях лорда Эштара. Ночью.
 Лиора побелела до губ.
 Октавия резко сказала:
 — Этого достаточно. Капитан, вы забудете...
 — Нет, — перебила Нина.
 Октавия медленно повернулась к ней.
 В воздухе стало жарче.
 Где-то под полом глухо ударило Сердце.
 — Простите? — произнесла старая хозяйка.
 — Я сказала: нет. Никто ничего не забудет. Тая, запомни, кто был в комнате. Капитан, запомните чашу у камина, плащ, время, присутствующих. Если здесь есть письменные протоколы или дознаватели, я завтра же требую запись.
 Дамиан смотрел на нее все тяжелее.
 — Ты говоришь так, будто готовишь обвинение.
 — А что, по-вашему, готовит жена после измены?
 — Ты не знаешь наших законов.
 — Зато знаю, как мужчины пользуются женским незнанием.
 На лице Дамиана мелькнуло что-то острое. Гнев? Стыд? Нина не стала разбирать. Не время.
 Она попыталась подняться с кушетки. Тая тут же подхватила ее под локоть.
 — Госпожа, вам нельзя...
 — Мне нельзя оставаться здесь.
 Комната качнулась. Нина вцепилась пальцами в плечо служанки. Тело Эвелины было слабым, истощенным, слишком легким. Ноги будто принадлежали не ей. Под ребрами тянула тупая боль, а запястье с меткой горело, как свежий ожог.
 Но она встала.
 Может быть, не красиво. Может быть, слишком медленно. Но встала.
 Дамиан сделал движение к ней.
 — Эвелина.
 Она подняла ладонь.
 — Еще раз протянешь ко мне руку без моего разрешения — я решу, что у драконов не принято понимать с первого раза.
 У Ридана едва заметно дернулся уголок губ. Кайрена здесь не было, но почему-то Нина уже знала: младший брат Дамиана оценил бы.
 Лиора холодно усмехнулась.
 — Вы быстро набрались смелости для женщины, которая еще час назад умирала.
 Нина посмотрела на нее.
 — А вы быстро забыли, что стоите в чужом платье стыда.
 — Вы не имеете права...
 — Ошибаетесь. Право у меня как раз есть. Я законная жена. Пока еще.
 Последние два слова прозвучали тише остальных, но Дамиан услышал. Его лицо стало каменным.
 — Развод невозможен.
 — Вы уже говорили.
 — Значит,

повторю. Между нами не обычный брачный договор. Ты связана с домом Эштаров, с Сердцем, с моей кровью.
 — Тем хуже для вас.
 — Для всех, — резко сказал он. — Если связь разорвать неправильно, Крайтхолл может погибнуть.
 Нина медленно вдохнула.
 Вот теперь — важное.
 Не “я люблю другую”. Не “так получилось”. Не “ты больна”. А имущество, власть, родовой источник, угроза катастрофы. Классика. В ее мире мужчины тоже внезапно вспоминали о детях, ипотеке, общей квартире и больной матери, когда жена находила силы уйти.
 Здесь вместо ипотеки было Огненное Сердце.
 Прекрасно.
 — Значит, есть правильный способ, — сказала она.
 Октавия напряглась.
 Дамиан не ответил.
 Нина улыбнулась краем губ.
 — Молчание принято за согласие?
 — Суд Пламени, — произнесла Октавия прежде, чем сын успел остановить ее. — И не смейте думать, будто это игрушка для оскорбленной девочки.
 — Оскорбленная девочка осталась где-то раньше, леди Октавия. Перед вами жена, у которой есть основания требовать разрыв брачной клятвы.
 Старая хозяйка посмотрела на нее с холодным недоверием.
 — Вы не выдержите Суда.
 — Посмотрим.
 — Вас раздавят.
 — Я уже заметила, что в этом доме любят давить женщин, пока они не станут удобными.
 Тишина.
 На этот раз даже Лиора не нашлась с ответом.
 Дамиан медленно произнес:
 — Ты говоришь не как Эвелина.
 Нина почувствовала, как внутри что-то леденеет.
 Вот это было опасно.
 Она не знала, насколько в этом мире верят в вселение душ, одержимость, проклятия и прочие милые способы быстро избавиться от неудобной женщины. Сказать правду? “Здравствуйте, я Нина, юрист из другого мира, ваша жена умерла, а я заняла тело”? Отличный путь к темнице, костру или местному целителю с пепельными иглами.
 Она опустила глаза на метку и позволила голосу стать тише.
 — Может быть, потому, что Эвелина, которую вы знали, сегодня умерла.
 Тая тихо заплакала снова.
 Дамиан побледнел.
 Октавия отвела взгляд.
 Лиора сжала пальцы на перстне.
 Хорошо. Эту версию они поймут. Женщина после потрясения изменилась. Сломалась иначе, чем они рассчитывали.
 Нина расправила плечи, насколько позволило чужое измученное тело.
 — Мне нужны отдельные покои.
 — У вас есть покои, — сказала Октавия.
 — Нет. У меня есть клетка, где меня удобно запирают с недомоганиями. Я требую другие. Дальше от покоев лорда Эштара. С замком, ключ от которого будет у меня.
 — Невозможно, — бросила Октавия.
 — Это слово сегодня слишком часто звучит. Привыкайте заменять его на “неприятно”.
 Дамиан нахмурился.
 — Ты останешься в своих покоях. Там безопасно.
 — Для кого? Для меня или для вашей репутации?
 — Для тебя.
 — Тогда вы не станете возражать против стражи у двери. Но стража будет отчитываться капитану Ридану, а не леди Вейр и не вашей матери.
 Ридан поднял брови.
 Октавия резко сказала:
 — Вы не распоряжаетесь стражей Крайтхолла.
 — Пока нет.
 Эти слова вырвались сами.
 Где-то внизу Сердце отозвалось коротким горячим ударом.
 Все почувствовали.
 Лиора сделала шаг назад.
 Нина тоже почувствовала — не власть, не силу, а странное узнавание. Будто замок услышал ее и на миг повернул к ней тяжелую каменную голову.
 Дамиан смотрел на нее уже не только с гневом. С тревогой.
 — Что ты сделала?
 — Ничего, — честно сказала Нина. — Пока.
 Октавия побледнела.
 — Дамиан, ее надо немедленно показать лекарю.
 — Лекаря — утром, — сказала Нина. — И не того, кто лечил меня раньше.
 — Вы не можете выбирать лекаря, — бросила Лиора.
 — А вы не можете выбирать, где ночевать, но смотрите, какая у нас странная ночь.
 Ридан кашлянул.
 Октавия метнула в него взгляд, и капитан снова стал каменным.
 Нина поняла, что силы уходят. Стоять было все труднее. Перед глазами расплывались свечи. Но сейчас нельзя было садиться. Нельзя показывать, что тело на пределе. Она знала это по судам: первый разговор задает тон всей войне. Если в нем тебя уложат, пожалеют, назовут истеричной — потом придется вдвое дольше доказывать, что ты имеешь право говорить.
 — Второе, — продолжила она. — Мне нужен доступ к моим вещам, письмам и брачному договору.
 Лиора слишком

быстро посмотрела на Дамиана.
 Нина заметила.
 Дамиан тоже.
 — Зачем? — спросил он.
 — Потому что я хочу знать, что именно вы нарушили.
 — Договор хранится в архиве.
 — Значит, завтра я иду в архив.
 — Нет.
 — Тогда завтра я официально заявляю, что мне отказывают в доступе к документам моего брака.
 — Кому заявляешь? — спросила Октавия. — Стенам?
 Нина повернулась к капитану:
 — В королевстве Арденвейл есть дознаватели по брачным делам драконьих родов?
 Ридан помедлил.
 — Есть королевский дознаватель Суда Пламени.
 — Отлично. Как его вызвать?
 Октавия сжала губы.
 — Никак без согласия главы рода.
 Нина посмотрела на Дамиана.
 Он молчал.
 — Удобно, — сказала она. — Муж изменяет, муж запрещает жаловаться, муж хранит договор, муж решает, можно ли вызвать суд. У вас здесь брак или заложничество?
 — Довольно, — сказал Дамиан.
 В его голосе полыхнуло пламя.
 Настоящее.
 Свечи на столе взметнулись вверх. По стене прошла золотая дрожь. Тая пискнула. Лиора вскинула голову с почти торжествующим выражением: вот теперь дракон поставит жену на место.
 Нина испугалась.
 На одно мгновение — да.
 Тело Эвелины помнило этот голос. Не удары, нет; Дамиан, кажется, никогда не бил жену. Но власть тоже умеет оставлять синяки, только глубже. Приказы, холод, взгляд через стол, молчание, в котором ты заранее виновата.
 Нина позволила страху пройти сквозь себя.
 И сказала:
 — Кричите громче. Тогда слуги лучше запомнят, что я просила развод, а вы пытались меня запугать.
 Пламя на свечах резко осело.
 Дамиан смотрел на нее долго.
 Потом произнес тихо:
 — Ты не знаешь, с чем играешь.
 — Я не играю. Я фиксирую.
 — Что?
 — Факты, лорд Эштар. Это неприятная вещь. Особенно когда все привыкли жить на намеках.
 И тут за дверью послышались быстрые шаги.
 В комнату вошел еще один мужчина — моложе Дамиана, светлее лицом, с теми же темными волосами, но без каменной тяжести в чертах. В домашнем камзоле, наспех застегнутом не на те пуговицы, с острым взглядом человека, который в любой беде сначала замечает смешное, а потом опасное.
 Он остановился на пороге и оглядел всех: Дамиана, Нину, Октавию, Лиору, чашу, капитана, заплаканную Таю.
 — Какая содержательная годовщина, — сказал он.
 — Кайрен, — ледяным голосом произнесла Октавия. — Выйди.
 — Уже поздно делать вид, что семьи здесь нет, матушка.
 Кайрен Эштар перевел взгляд на Нину. Его насмешливость чуть дрогнула.
 — Леди Эвелина?
 Она поняла, что он тоже видит разницу.
 — Похоже, да, — ответила Нина. — Хотя вечер располагает к сомнениям.
 Кайрен моргнул.
 Потом медленно улыбнулся краем губ.
 — Вот как.
 Дамиан бросил:
 — Не вмешивайся.
 — Брат, я пришел на удар Сердца, на крик служанки и на запах клятвенного пепла из твоих покоев. Кажется, вмешательство уже случилось без меня.
 Октавия побледнела.
 — Тише.
 Но Нина уже зацепилась за слово.
 — Клятвенный пепел?
 Кайрен посмотрел на чашу.
 — Его трудно спутать с корицей.
 Лиора холодно произнесла:
 — Вы не специалист по брачным ритуалам, лорд Кайрен.
 — Зато специалист по семейным катастрофам. У нас богатая практика.
 — Хватит, — сказал Дамиан.
 Кайрен поднял ладони.
 — Конечно. Просто уточню: почему в твоих покоях стоит чаша с клятвенным пеплом, рядом находится леди Вейр, твоя жена едва жива, а Сердце бьется так, будто под замком кто-то ломает дверь?
 Нина смотрела на Дамиана.
 Ответа не было.
 Вернее, ответ был, но никто не хотел произнести его вслух.
 Она вдруг почувствовала острую благодарность к этому незнакомому насмешнику. Не доверие. Нет. До доверия здесь было далеко. Но Кайрен сделал важное: назвал вещи рядом друг с другом, не позволяя разорвать их на удобные случайности.
 — Спасибо, — сказала Нина.
 Кайрен снова посмотрел на нее.
 — За что?
 — За то, что умеете считать до четырех.
 В его глазах блеснуло что-то живое.
 — В нашей семье это почти измена традициям.
 Октавия резко выдохнула:
 — Вон. Все. Немедленно. Леди Эвелину нужно перенести в ее покои.
 — В отдельные, — сказала Нина.
 — Это не

обсуждается.
 — Тогда я остаюсь здесь и жду, пока соберется весь замок.
 Дамиан сжал челюсть.
 — Ты шантажируешь меня скандалом?
 — Нет. Даю вам выбор между малым позором и большим.
 Кайрен тихо присвистнул.
 Октавия посмотрела на сына.
 — Дамиан.
 В одном этом имени было все: род, долг, репутация, угроза, привычный порядок. Нина почти видела, как невидимые нити стягиваются вокруг него. Но сейчас ей было все равно, трудно ему или нет. Его трудности не вернут прежней Эвелине жизнь.
 Дамиан наконец сказал:
 — Северное крыло.
 Октавия резко повернулась:
 — Нет.
 — Там пустые гостевые покои.
 — Они холодные.
 Нина сказала:
 — После этой комнаты холод будет почти милосерден.
 Дамиан посмотрел на нее. Взгляд стал темнее.
 — Северное крыло подготовят немедленно. Капитан Ридан поставит у дверей двух людей.
 — И ключ, — напомнила Нина.
 — Ключ будет у тебя.
 Лиора не выдержала:
 — Дамиан, это безумие. После такого приступа ее нельзя оставлять одну, тем более в крыле, где...
 — Где что? — спросила Нина.
 Лиора замолчала.
 Вот это тоже важно.
 В северном крыле что-то было. Или кого-то туда боялись пускать. Значит, выбор удачный.
 — Где давно не жили, — сказала Октавия.
 Нина кивнула.
 — Чудесно. Я тоже давно не жила.
 Тая всхлипнула и вдруг наклонила голову, чтобы скрыть лицо. Может, плакала. Может, пыталась не улыбнуться. Нина не стала проверять.
 — Мои вещи перенесут туда, — продолжила она. — Все. Письма, украшения, книги, платья, шкатулки, личные бумаги. Тая будет присутствовать при сборе.
 — Служанка не имеет права...
 — Тая будет присутствовать, — повторил Дамиан.
 Октавия сжала губы.
 Лиора смотрела на Дамиана уже не с торжеством. С раздраженным непониманием. Она ожидала другой ночи: жена упадет, мать прикажет молчать, дракон закроет дверь, утром все назовут болезнью. А теперь в этой комнате появлялись свидетели, условия, ключи, документы и какой-то слишком спокойный холод в голосе “слабой” Эвелины.
 Нина знала: именно это больше всего пугает тех, кто привык к женским слезам.
 Не крик.
 Не проклятия.
 А порядок.
 — Третье, — сказала она.
 Дамиан почти устало закрыл глаза.
 — Еще?
 — Я только начала.
 Кайрен тихо кашлянул в кулак.
 Нина продолжила:
 — С этой минуты леди Лиора Вейр не входит в мои покои, не касается моих вещей, не распоряжается моей прислугой и не появляется рядом со мной без свидетелей.
 — Вы боитесь меня? — Лиора улыбнулась.
 — Нет. Просто не люблю, когда любовницы путают двери.
 У Кайрена дрогнули плечи.
 Ридан уставился в стену с такой сосредоточенностью, будто именно там решалась судьба королевства.
 Лиора шагнула вперед:
 — Вы пожалеете о своих словах.
 — Запишите их тоже, капитан, — сказала Нина, не отводя от нее взгляда. — Угроза при свидетелях.
 — Это смешно.
 — Нет. Смешно было бы поверить, что вы оказались здесь случайно.
 — Я здесь по праву.
 Комната застыла.
 Нина медленно повернула голову к Дамиану.
 — По какому?
 Лиора поняла ошибку слишком поздно.
 Дамиан сказал:
 — Лиора уйдет в гостевое крыло. Сейчас.
 — Дамиан...
 — Сейчас.
 В его голосе наконец появился приказ, направленный не на жену.
 Поздно, но Нина отметила.
 Лиора сжала пальцы так крепко, что побелели костяшки. Потом присела в неглубоком реверансе, уничительно безупречном.
 — Как пожелаете, лорд Эштар.
 Перед уходом она посмотрела на Нину:
 — Некоторые двери открываются только один раз, леди Эвелина. Не ошибитесь, выбирая, какую захлопнуть.
 Нина улыбнулась.
 — Я юрист. Захлопывать двери — не мой стиль. Я предпочитаю менять замки.
 Лиора не поняла слова “юрист”. Никто не понял.
 И хорошо.
 Дверь за ней закрылась.
 Воздух в комнате стал чище, но не легче.
 Дамиан посмотрел на Нину.
 — Что значит “юрист”?
 Черт.
 Нина внутренне выругалась. Усталость делала язык опасным.
 — Женщина, которая читает договоры перед тем, как доверять мужчинам.
 Кайрен тихо сказал:
 — Какая редкая и полезная магия.
 Дамиан не улыбнулся.
 — Где ты слышала это слово?
 Нина выдержала его взгляд.
 — Там, где женщины учатся

выживать.
 Это было достаточно расплывчато, чтобы звучать как горькая метафора.
 Октавия сказала:
 — Мне это не нравится.
 — Мне тоже многое не понравилось, — ответила Нина. — Особенно последние полчаса.
 Силы кончились внезапно.
 Колени подогнулись, и, если бы Тая не удержала ее, Нина рухнула бы на пол. Комната дернулась, поплыла, лица стали пятнами. Метка на запястье пульсировала. Под кожей словно ворочались горячие нити.
 Дамиан шагнул было к ней, но остановился.
 Запомнил.
 Это крошечное послушание раздраженно кольнуло Нину. Не благодарностью. Скорее злостью: значит, мог остановиться, когда хотел. Мог слушать, когда хотел. Мог бы и раньше.
 — Госпоже нужно лечь, — твердо сказала Тая.
 Впервые в ее голосе прозвучало не только испуганное “миледи”, но и что-то другое. Маленькая, тонкая храбрость.
 Октавия заметила и это.
 — Служанка слишком много говорит.
 Нина, держась за плечо Таи, выпрямилась.
 — Служанка сегодня говорит ровно столько, сколько нужно женщине, которую едва не списали в покойницы.
 Ридан сделал шаг вперед.
 — Я распоряжусь насчет северного крыла.
 — И людей у двери, — сказал Дамиан.
 Капитан поклонился.
 — Да, милорд.
 — Людей, которые не служат Вейрам, — добавила Нина.
 Ридан посмотрел на нее сдержанно.
 — Мои люди служат Крайтхоллу.
 — Сегодня я не уверена, что Крайтхолл и лорд Эштар — одно и то же.
 Октавия резко вдохнула.
 Дамиан молчал.
 А под полом снова ударило Огненное Сердце.
 На этот раз не больно.
 Будто соглашаясь.
 Кайрен медленно перевел взгляд с пола на Нину.
 — Вот теперь, брат, я бы начал беспокоиться.
 — Выйди, Кайрен, — сказал Дамиан.
 — С радостью. Мне кажется, в этой комнате стало опасно для людей без чувства вины.
 Он поклонился Нине с неожиданной серьезностью.
 — Леди Эвелина.
 — Лорд Кайрен.
 — Если вам понадобится человек, который умеет считать до четырех, я недалеко.
 — Запомню.
 Он вышел вслед за Риданом.
 Октавия задержалась. Ее лицо снова стало почти безупречным, но Нина уже видела трещину. Старая хозяйка боялась не скандала. Не слез. Не даже развода.
 Она боялась того, что метка на запястье “ненужной” жены ответила замку.
 — Вы не понимаете, какие силы трогаете, — сказала Октавия тихо.
 Нина посмотрела на нее.
 — А вы не понимаете, что бывает, когда женщине больше нечего терять.
 Октавия долго молчала.
 Потом сказала Дамиану:
 — Утром мы поговорим.
 — Да.
 — Без посторонних.
 Нина усмехнулась.
 — Если вы обо мне, то я жена, а не посторонняя. Пока еще.
 Октавия ничего не ответила.
 Она вышла.
 В комнате остались Дамиан, Нина и Тая.
 И треснувшая чаша с кровью у камина.
 Нина посмотрела на нее.
 — Это убрать. Но не уничтожать.
 Дамиан медленно повернулся к чаше.
 — Это опасно.
 — Для доказательств обычно опасно, когда их оставляют у виновных.
 — Ты считаешь меня виновным.
 Она подняла глаза.
 Вот он наконец спросил не как властитель. Почти как человек.
 Нина могла бы смягчить. Сказать: “Я ничего не знаю”. “Мне надо разобраться”. “Я не в себе”. Но прежняя Эвелина, кажется, всю жизнь смягчала углы, пока об них не разбилась сама.
 — Да, — сказала Нина. — Считаю.
 Лицо Дамиана стало неподвижным.
 — Даже если ты не знаешь всего?
 — Я знаю достаточно. Ты был здесь. Она была здесь. На мне треснула метка. В чаше кровь и пепел. Твой дом уже готов назвать это моим недоумением. Начнем с этого.
 — Я не хотел твоей смерти.
 — Какое великодушие.
 Он вздрогнул, будто она ударила его.
 Нина устала до тошноты. Ей хотелось лечь, закрыть глаза, проснуться дома, даже на том самом асфальте, только бы не в этом теле, не в этой комнате, не перед этим мужчиной, чье лицо чужая память любила три года почти без ответа.
 Но она не могла себе позволить исчезнуть.
 Не после того, как прежняя Эвелина, умирая, успела спросить о договоре.
 — Кто такие Вейры? — спросила Нина.
 Дамиан нахмурился.
 — Дом Лиоры.
 — Это я поняла.
 — Один из старших северных родов.
 — Они работают с пеплом?
 Он помолчал.
 — У них есть маги клятвенного пепла.
 — А брачные договоры они

тоже умеют переписывать?
 Дамиан резко посмотрел на нее.
 — Почему ты сказала это раньше?
 — Потому что вспомнила.
 — Что?
 Нина прикрыла глаза.
 Перед внутренним взглядом снова вспыхнула рука над бумагой, пепел, голос: “Главное — не дать метке проснуться”.
 — Не знаю. Обрывок. Мужской голос. Договор. Роуены подпишут. Девчонка будет слабой.
 Тая рядом задрожала.
 Дамиан тихо выругался.
 — Это невозможно.
 Нина открыла глаза.
 — Вы снова за старое.
 — Брачный договор Эштаров хранится в архиве под родовой печатью.
 — Значит, завтра я его увижу.
 — Завтра ты будешь лежать.
 — Завтра я буду читать.
 — Ты едва стоишь.
 — Читать можно сидя.
 Он провел ладонью по лицу. На миг стал похож не на дракона, а на измученного мужчину, который слишком поздно увидел, что дом горит изнутри.
 Нина не пожалела его.
 Потом, может быть.
 Когда-нибудь.
 Не сейчас.
 — Я пришлю лекаря, — сказал он.
 — Другого.
 — Другого.
 — Женщину, если есть.
 — Есть.
 — И Таю оставят при мне.
 — Да.
 — Мои вещи перенесут.
 — Да.
 — Чашу сохранить.
 Он помолчал.
 — Да.
 — Лиора не входит ко мне.
 Губы Дамиана сжались.
 — Да.
 — И утром вы покажете мне брачный договор.
 — Это сложнее.
 — Нет. Сложнее будет объяснить дознавателю, почему после измены, ритуала и повреждения метки муж отказал жене в договоре.
 Он смотрел на нее долго.
 — Ты действительно изменилась.
 Нина тихо ответила:
 — Нет. Просто ваша Эвелина закончилась.
 Он побледнел.
 В этой бледности была боль. Живая. Неподдельная.
 Она задела Нину неожиданно глубоко, потому что принадлежала не ей. Чужое тело помнило желание увидеть такую боль на его лице. Хоть раз. Хоть одну трещину в его холоде. И теперь, когда трещина появилась, прежняя Эвелина уже не могла ничего с ней сделать.
 Нина отвернулась первой.
 — Тая, пойдем.
 — Да, миледи.
 Дамиан сделал шаг к двери, открыл ее сам.
 Этот маленький жест выглядел почти нелепо после всего. Дракон, хозяин замка, предатель, открывающий дверь жене, которая требует развода.
 Нина прошла мимо него медленно.
 На пороге ее качнуло. Дамиан дернулся, но не коснулся.
 На этот раз она сама ухватила за косяк.
 — Учитесь быстро, — сказала она, не глядя на него.
 — Когда ставки высоки.
 — Ставки были высоки еще до того, как я вошла в эту комнату.
 Он ничего не ответил.
 В коридоре уже ждали двое стражников и капитан Ридан. Чуть дальше, опершись плечом о стену, стоял Кайрен. Видимо, недалеко у него означало за ближайшим поворотом.
 — Северное крыло готовят, — сказал Ридан.
 — Сколько времени?
 — Полчаса.
 Нина покачала головой.
 — Я не останусь здесь на полчаса.
 Кайрен оттолкнулся от стены.
 — Есть малая гостиная рядом с галерей. Там холодно, пыльно и нет любовниц. Почти лечебные условия.
 Ридан бросил на него тяжелый взгляд.
 — Лорд Кайрен.
 — Что? Я стараюсь быть полезным.
 Нина устало сказала:
 — Ведите.
 Они пошли по коридору.
 Каждый шаг отдавался болью. Замок плыл перед глазами: темные стены, факелы, узкие окна, портреты суровых людей с драконьими глазами. Чужие предки смотрели на Нину так, будто она нарушила порядок их мертвого величия.
 Она мысленно ответила им: привыкайте.
 Тая шла рядом, поддерживая ее. Ридан впереди отдавал короткие приказы слугам. Кайрен держался сбоку, с виду праздно, но Нина заметила: он постоянно смотрит по сторонам, отмечает двери, тени, людей.
 Дамиан шел сзади.
 Она чувствовала его присутствие спиной.
 Не как защиту.
 Как пожар, от которого пока не знаешь, греться или бежать.
 В малой гостиной пахло пылью, старой тканью и холодным камнем. Кто-то быстро зажег свечи. На стенах висели выцветшие гобелены с охотой на огненного зверя. У окна стояло кресло с высокой спинкой.
 Нина почти упала в него, но заставила себя сесть ровно.
 Тая тут же опустилась рядом.
 — Воды, — сказала Нина.
 Один из слуг метнулся прочь.
 Кайрен устроился у камина, где давно не разводили огонь.
 — Надо признать, леди Эвелина, вы выбрали интересный способ оживить семейный праздник.
 Дамиан резко

сказал: — Кайрен. — Молчу. — Нет, — сказала Нина. — Пусть говорит. В этом замке слишком долго молчали. Кайрен склонил голову. — Тогда скажу: если вы и правда хотите Суд Пламени, утром начнется война. Не красивая, не честная. Матушка будет спасать род. Вейры — себя. Совет — порядок. Дамиан... Он замолчал. Нина посмотрела на него. — Дамиан? Кайрен перевел взгляд на брата. — А Дамиан впервые за много лет будет вынужден решить, кого он спасает: дом или свою совесть. Дамиан не ответил. Нина приняла кубок воды у слуги. Рука дрожала, но она удержала. — Хорошо, — сказала она. — Значит, утром начнем с документов. — Вы говорите так, будто уже знаете, где искать, — заметил Кайрен. — Нет. Но знаю, что те, кто требует молчания, всегда больше всего боятся бумаги. Кайрен улыбнулся — уже без насмешки. — Мне все больше нравится новая семейная катастрофа. Дамиан подошел ближе. — Тебе нужен отдых. Нина посмотрела на него поверх кубка. — Мне нужен развод. — Это не решается за ночь. — Измена тоже не случается за одно мгновение. К ней идут. Вы дошли. Теперь я пойду своим путем. Он хотел что-то сказать, но дверь открылась, и вошла леди Октавия. За ней — женщина лет сорока с лекарской сумкой и усталым лицом. — Лекарь Мавина, — сказала Октавия. — Она осмотрит вас. Нина посмотрела на Дамиана. — Другая? — Да, — ответил он. Лекарь Мавина приблизилась, поклонилась и не стала хватать Нину за руки без разрешения. — Уже неплохо. — Миледи, позвольте? — Позволю. Тая останется. Октавия сжала губы, но Дамиан сказал: — Останется. Мавина осторожно взяла Нинино запястье, осмотрела метку и резко изменилась в лице. — Кто был вашим прежним лекарем? — Не знаю, — сказала Нина. — Лекарь Грэх, — ответила Октавия. Мавина подняла глаза. — Его нужно найти. — Зачем? — спросил Дамиан. Лекарь посмотрела на черную трещину в метке. — Потому что это не приступ слабости, милорд. И не обычный откат брачной клятвы. Октавия побледнела. Нина медленно поставила кубок на столик. — А что? Мавина помолчала. — На метку леди Эвелины давно наложена печать подавления. Сегодня ее ударили клятвенным пеплом. Если бы Сердце не ответило, миледи умерла бы окончательно. В комнате стало очень тихо. Нина почувствовала, как холод внутри становится почти приятным. Факт. Первый настоящий факт. Она повернула голову к Дамиану. Он смотрел на метку так, будто видит ее впервые. — Может, и правда впервые. — Давно? — спросила Нина. Мавина осторожно провела пальцем вокруг ожога. — Не меньше двух лет. Два года. Два года прежнюю Эвелину глушили, травили, запирали в собственном теле, называли слабой, бесплодной, бесполезной. Два года рядом с ней жили люди, которые ничего не замечали. Или не хотели замечать. Нина услышала свой голос словно со стороны. — Запишите это. Мавина подняла взгляд. — Что? — Заключение. Письменно. С датой, временем, описанием метки и вашими словами. Октавия резко вмешалась: — Это внутреннее дело рода. Нина даже не посмотрела на нее. — Уже нет. Дамиан сказал тихо: — Мавина, напишите заключение. Октавия повернулась к сыну. — Ты понимаешь, что делаешь? Он смотрел не на мать. На черную метку. — Начинаю. — Что начинаешь? Дамиан поднял глаза на Нину. В них все еще было золото дракона. Гордость, власть, упрямство. Но теперь под ними шевелилось нечто другое. Не раскаяние еще. До него далеко. Скорее первый честный ужас перед тем, сколько грязи скрывалось под ровным полом его дома. — Узнавать, что происходило с моей женой. Нина выдержала его взгляд. — Поздно, лорд Эштар. Он тихо ответил: — Знаю. И почему-то именно это простое “знаю” оказалось опаснее всех его приказов. Потому что с приказами Нина умела бороться. А с чужим поздним стыдом — сложнее. Она отвернулась к лекарю. — Пишите. И добавьте: жена главы рода Эштаров требует Суд Пламени по факту измены, повреждения брачной метки, возможной подделки договора и

угрозы жизни.
 Мавина застыла.
 Кайрен тихо присвистнул.
 Октавия побледнела так, что стала похожа на вырезанную из кости.
 Дамиан не остановил.
 Нина поняла, что выиграла первый час.
 Не войну.
 Даже не битву.
 Только первый час после собственной смерти.
 Но иногда именно с него начинается свобода.

Глава 3. Брачная клятва дракона

Утро в северном крыле началось не с покоя, а с чужих шагов за дверью.
 Нина проснулась еще до того, как кто-то осторожно коснулся ручки. Сон был рваным, горячим, с запахом пепла и мокрого асфальта. То ей мерещился Красный фьорд за черными окнами, то светофор над разбитой дорогой, то лицо бывшего мужа из прошлой жизни, перекошенное злостью: “Ты сама все разрушила”. Потом это лицо менялось, становилось строже, темнее, красивее, и уже Дамиан Эштар говорил тем же мужским голосом, только без жалкой суеты: “Не устраивай сцену”.
 Нина открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, пытаясь понять, где потолок заканчивается каменными балками, а чужая жизнь — ее собственной.
 Потолок был высокий, темный, с узкой трещиной у стены. В окне серел рассвет. Северное крыло и правда оказалось холодным: в камине едва тлели угли, по полу полз тонкий сквозняк, занавеси пахли пылью и лавандой, которой давно пытались перебить запах сырости.
 На кресле у двери спала Тая.
 Не легла, не ушла, не устроилась удобно, а именно караулила, поджав ноги и уронив голову на плечо. Девушка обняла себя за локти, будто даже во сне боялась, что госпожу снова кто-то заберет туда, где плакать нельзя.
 Нина осторожно пошевелила рукой.
 Запястье отозвалось болью.
 Брачная метка больше не горела так яростно, как ночью, но выглядела страшно. Золотая вязь растрескалась, почернела по краям, а в самой середине проступала тонкая красная линия, похожая на не до конца закрытую рану. Под кожей время от времени пробегал жар. Не просто боль — напоминание, что это тело связано с чем-то огромным, древним и пока совершенно непонятным.
 В прошлой жизни Нина знала договоры, суды, брачные контракты, алименты, раздел имущества, ложь в переписках и попытки спрятать деньги на чужих счетах. Здесь вместо счетов был клятвенный пепел, вместо нотариуса — Огненное Сердце под замком, вместо суда — нечто, от одного названия чего Октавия бледнела.
 Суд Пламени.
 Нина медленно села.
 Голова закружилась, но уже не так, как ночью. Лекарь Мавина оставила горькую настойку и строгий приказ спать до полудня. Приказ Нина оценила, настойку выпила, спать не собиралась.
 За дверью снова слышалось движение.
 Тая вздрогнула, проснулась и сразу вскочила.
 — Миледи?
 — Тихо, — сказала Нина. — Кто там?
 Служанка обернулась к двери. Лицо у нее стало испуганным.
 — Наверное, стража.
 — Стража не трогает ручку так, будто ворует собственные пальцы.
 Тая растерянно моргнула.
 Нина с трудом поднялась с кровати. Чужое тело было слабым, но после ночи в нем появилась странная собранность. Не сила — нет. Скорее упрямство. Будто прежняя Эвелина, умирая, оставила не только боль, но и последний запас воли, который Нина теперь могла тратить.
 Она накинула темный халат, висевший у изголовья, и кивнула Тае:
 — Открой. Но стой сбоку.
 Тая послушалась.
 На пороге стоял пожилой мужчина в длинном темно-сером одеянии. Сухой, прямой, с серебряной цепью хранителя на груди и таким лицом, будто он давно разочаровался в людях, но продолжал хранить их бумаги из вредности. В руках он держал плоский кожаный футляр, перевязанный красной тесьмой.
 — Леди Эвелина, — сказал он, не входя. — Мастер Нэрис Фаль. Хранитель брачных архивов Крайтхолла.
 Тая отступила еще на шаг, будто в комнату пришел не старик, а сам суд.
 Нина внимательно посмотрела на него.
 — Вы пришли по приказу лорда Эштара?
 — По его разрешению.
 — Разница есть?
 — Огромная, миледи. Приказ можно исполнить и забыть. Разрешение иногда оставляет человеку возможность сделать то, что он собирался сделать и без него.
 Хорошо.
 Не слуга. Не льстец. И не слишком напуган.
 — Входите, мастер Фаль.
 Он переступил порог, поклонился ровно настолько, насколько требовал обычай, и поставил футляр на столик у окна.
 — Прежде чем вы спросите: нет, это не полный брачный договор. Его нельзя вынести из главного архива без трех печатей, присутствия главы рода, хранителя,

старшей хозяйки и свидетеля короны.
 — Очень удобно, — сказала Нина.
 — Для тех, кто любит прятать правду за порядком, несомненно.
 Тая затаила дыхание.
 Нина медленно подошла к столу и села. Ноги пока держали плохо, но сидеть прямо она могла.
 — Тогда что это?
 — Выписка из брачной клятвы. Та часть, которую имеет право видеть законная жена главы рода без согласия Совета.
 — И раньше мне ее показывали?
 Нэрис Фаль посмотрел ей в глаза.
 Пауза оказалась достаточно длинной, чтобы ответ стал понятен.
 — Нет, миледи.
 — Почему?
 — Потому что прежняя леди Эвелина никогда не требовала.
 Нина усмехнулась.
 — А если бы потребовала?
 — Ей сказали бы, что это ее расстроит.
 — Заботливый дом.
 — Дома вообще любят называть заботой то, что удерживает женщин подальше от ключей.
 Нина впервые за утро почти улыбнулась.
 — Вы опасный человек, мастер Фаль.
 — Я старый человек. В больших домах это иногда почти одно и то же.
 Он развязал тесьму. Внутри футляра лежали несколько плотных листов цвета старой кости. На каждом — тонкие строки, выведенные черными чернилами, и золотистые знаки по краю. Бумага пахла дымом, сухой травой и чем-то металлическим.
 Нина протянула руку, но Нэрис поднял ладонь.
 — Осторожно. Не касайтесь печатей голой кожей.
 — Почему?
 — Если клятва повреждена, она может ответить болью.
 — Болью здесь вообще любят отвечать.
 — Клятвы учатся у людей.
 Он достал из футляра пару тонких перчаток и положил рядом.
 Нина надела их. Пальцы Эвелины были уже, чем ее прежние, движения — непривычно легкие. Еще одна мелочь, от которой становилось неуютно: тело не ее, но слушается; голос не ее, но говорит; память чужая, но болит так, будто принадлежала ей всегда.
 Она взяла первый лист.
 Письменность была незнакомой.
 И при этом через секунду смысл всплыл сам.
 Нина замерла.
 — Я читаю это.
 — Естественно, миледи. Вы получили воспитание Роуенов.
 — Да, конечно.
 Она опустила взгляд, чтобы Нэрис не заметил лишнего.
 Строки складывались в слова:
 “Брачная клятва между лордом Дамианом Эштаром, главой огненного дома, и леди Эвелиной Роуен, дочерью дома речного золота, заключена перед Сердцем, кровью, пеплом и свидетелями рода...”
 Нина читала медленно, с привычкой человека, который ищет не красивый смысл, а лазейки.
 Первый лист был торжественной водой: имена, титулы, родовые формулы, взаимное признание крови. Второй — интереснее. Права и обязанности. Жена главы рода признавалась не просто супругой, а хранительницей брачной печати, если Сердце ответит на ее кровь. Муж обязался не отринуть ее, не лишить голоса в делах клятвы, не передать ее место другой женщине без Суда Пламени.
 Нина подняла глаза.
 — “Не передать ее место другой женщине без Суда Пламени”. Это не метафора?
 Нэрис сухо сказал:
 — Брачные клятвы драконов редко позволяют себе метафоры. Они слишком дороги.
 — Значит, если он привел Лиору в свои покои...
 — Покои сами по себе еще не передача места.
 — Конечно. Мужчины и здесь любят технические детали.
 — Но если при этом использовался клятвенный пепел и кровь главы рода, вопрос становится менее приятным для лорда Эштара.
 Нина провела взглядом по строкам ниже.
 “Жена, чья метка была повреждена нарушением супружеской верности, имеет право требовать Суд Пламени, если нарушение затронуло родовую печать, кровь, пепел или власть Сердца”.
 Она постучала пальцем по строке.
 — Вот.
 — Да, миледи.
 — Это мое основание.
 — Одно из.
 Нина подняла взгляд.
 — Есть еще?
 Нэрис помолчал.
 — Ваше состояние.
 — Поясните.
 — Заключение лекаря Мавины уже передано мне для архивной копии. На вашей брачной метке обнаружена печать подавления, наложенная не менее двух лет назад. Если это подтвердится при свидетелях короны, Суд Пламени будет обязан рассмотреть не только измену, но и покушение на брачную хранительницу.
 Тая тихо охнула.
 Нина сжала пальцы.
 Два года.
 Опять эти два года. Срок, за который можно превратить живую женщину в тень и потом всем домом удивляться, почему она не сияет.
 — Кто мог наложить такую печать?
 — Маг с

доступом к вашему телу, вашим лекарствам или брачной метке.
 — Лекарь Грэх.
 — Возможно.
 — Лиора?
 — Если имела доступ.
 — Дамиан?
 Нэрис посмотрел на нее без жалости.
 — Теоретически — да. Практически... глава рода может подавить брачную метку жены, но это оставляет след его крови. Мавина такого следа не назвала.
 Тая выдохнула так, будто боялась признаться себе, что ждала именно этого ответа.
 Нина не выдохнула.
 — Отсутствие следа крови не снимает ответственности.
 — Нет, миледи. Не снимает.
 Старик сказал это спокойно. И почему-то от его спокойствия стало чуть легче. В этом доме все либо оправдывали, либо требовали молчания. А Нэрис просто признавал факт.
 — Что такое Суд Пламени? Не общими словами. По сути.
 Нэрис сложил руки на навершии трости, хотя Нина не заметила, когда он успел ее взять.
 — Древний брачный суд драконьих родов. Созывается, когда нарушена клятва между главой рода и его супругой, а нарушение может повлиять на источник силы дома. В вашем случае — на Огненное Сердце Крайтхолла.
 — Кто судит?
 — Представитель короны, Совет северных родов, хранитель архива, свидетели крови и само Сердце.
 — Само Сердце?
 — Да.
 Нина помолчала.
 — У вас тут судья — подземный огненный орган?
 Нэрис моргнул.
 Тая испуганно закашлялась.
 Старик, кажется, впервые за разговор едва не улыбнулся.
 — Если вы намеренно упрощаете, то да.
 — Я пытаюсь понять систему. В моем опыте суды обычно вредные, но хотя бы сидят за столом.
 — Сердце тоже сидит, миледи. Просто глубже.
 Нина устало потерла лоб.
 — Хорошо. Что проверяет Суд?
 — Было ли нарушение клятвы. Был ли магический обман. Имеет ли жена право на разрыв связи. Может ли связь быть разорвана без гибели Сердца. Кто виновен. Кто платит. Что будет с властью брачной хранительницы.
 — И если я проиграю?
 Тая вся сжалась.
 Нэрис ответил не сразу.
 — Вас могут признать клятвопреступницей, если Совет решит, что вы разрушаете род из обиды, не имея доказательств.
 — Последствия?
 — Лишение имени Эштаров. Возвращение в род Роувенов без приданого. Запрет на повторный брак с магическим родом. В худшем случае — заключение под надзором короны, если сочтут, что ваша поврежденная метка опасна для Сердца.
 Нина кивнула.
 — То есть удобная тюрьма с красивым законом.
 — Вы быстро учитесь.
 — Я просто уже была замужем.
 Нэрис ничего не понял, но уточнять не стал.
 За дверью послышался приглушенный мужской голос. Второй ответил короче. Стража. Потом — шаги, уверенные и тяжелые.
 Тая побледнела.
 Нина отложила листы.
 — Кто?
 Дверь открылась после короткого стука.
 Дамиан Эштар вошел не сразу. Сначала дождался ее разрешения взглядом — или сделал вид, что дождался. Это было новое. Нина отметила, но не оценила.
 На нем был темный камзол без лишних украшений. Волосы убраны назад, лицо бледнее, чем ночью. На скуле осталась царапина. Нина невольно вспомнила Лиору, ее плечо, мужские пальцы, золотой плащ.
 Отвращение оказалось спокойным. Уже не острым, а чистым.
 — Леди Эвелина, — сказал он.
 Не “Эвелина”.
 Тоже новое.
 — Лорд Эштар.
 Он перевел взгляд на Нэриса.
 — Мастер Фаль.
 — Милорд.
 — Я велел показать ей выписку.
 — Я ее показываю.
 — Не больше.
 — Разумеется. Я ведь всего лишь хранитель архива, а не человек, который умеет читать между строк.
 Дамиан сузил глаза.
 — Оставьте нас.
 — Нет, — сказала Нина.
 Оба мужчины посмотрели на нее.
 Она положила ладонь на листы.
 — Мастер Фаль остается. Тая тоже.
 — Нам надо поговорить.
 — Говорите. Я после вчерашнего люблю свидетелей.
 В лице Дамиана что-то дрогнуло.
 Стыд? Злость? Сдержанная ярость? Нина снова не стала разбирать.
 — Это касается нашего брака.
 — Поэтому хранитель брачных архивов здесь очень уместен.
 Нэрис кашлянул.
 — Вынужден признать, милорд, логика на стороне вашей супруги.
 — Вас никто не спрашивал.
 — Ошибаетесь. Меня спросили, когда сделали хранителем документов, которые все предпочитали не читать.
 Дамиан сжал челюсть.
 Нина почти физически почувствовала, как в комнате поднимается тепло. Не от

камина. От него. Драконья кровь, пламя, власть, привычка давить самим присутствием.
Она подняла глаза.
— Если вы пришли пугать, выбрали плохое утро. У меня болит голова, запястье и терпение.
Тая опустила взгляд, но Нина заметила, как у нее дернулся уголок губ.
Дамиан тоже заметил.
И вдруг не вспыхнул. Только устало выдохнул.
— Я пришел сказать, что лекарь Грэх исчез.
Нина выпрямилась.
— Когда?
— Ночью. Его комнаты пусты. Часть лекарских записей сожжена.
— Удобно.
— Я отправил людей.
— Людей, которые умеют искать, или людей, которые умеют делать вид?
— Капитана Ридана.
— Хорошо.
Это вырвалось прежде, чем Нина успела прикусить язык. Она уже начала создавать внутри карту: Ридан — осторожный, но не глупый. Кайрен — насмешливый, наблюдательный. Нэрис — важен. Тая — своя. Мавина — возможный свидетель. Октавия — противник, но не обязательно враг. Дамиан — виновный, источник доступа и опасность одновременно. Лиора — враг. Вейры — главный узел.
Дамиан смотрел на нее внимательно.
— Ты не удивлена.
— Я удивилась бы, если бы человек, два года травивший или запечатывавший меня, спокойно дождался завтрака.
— Мы не знаем, что это был он.
— Зато знаем, что он исчез и сжег записи.
— Да.
— Значит, начинаем с него.
Нина потянулась к чистому листу, который лежал рядом с футляром. Потом вспомнила, что понятия не имеет, как здесь пишут, чем и в каком порядке принято оформлять требования.
Нэрис молча придвинул чернильницу и перо.
— Хотите составить перечень?
— Да.
— Диктуйте. Почерк у меня лучше, а раздражение старше.
Нина посмотрела на него с настоящей благодарностью.
— Первое. Найти лекаря Грэха и его записи.
Нэрис начал писать.
— Второе. Получить полный доступ к моим лекарствам за последние два года.
— Уничтожены частично, — сказал Дамиан.
— Тогда третье. Опросить слуг, которые носили лекарства. Тая, ты знаешь таких?
Служанка вздрогнула.
— Да, миледи. Я носила иногда. Еще Риса из малого лекарского крыла. И старшая горничная Мелла.
— Запомни. Потом запишем.
Тая кивнула.
— Четвертое, — продолжила Нина. — Проверить, кто имел доступ к моим покоем.
— Это большой список, — сказал Дамиан.
— Сузим по датам.
— Каким?
Нина подняла запястье.
— Печать на метке наложили около двух лет назад. Что случилось два года назад?
В комнате стало тихо.
Слишком тихо.
Нина заметила, как Дамиан отвел взгляд.
— Говорите.
Он ответил не сразу.
— После первого года брака стало ясно, что Сердце не отвечает на твою кровь.
— На мою?
— На кровь Эвелины, — поправился он, сам не понимая, почему это слово прозвучало странно.
Нина почувствовала неприятный холод между лопатками.
— И?
— Совет решил провести проверку метки.
— Кто проводил?
— Грэх. Нэрис. Октавия присутствовала. Я был на северной границе.
Нина повернулась к Нэрису.
— Вы?
Старик спокойно встретил ее взгляд, но лицо стало тяжелым.
— Да. Я сверял формулу брачной клятвы. Метка была слабой, но чистой.
— Слабой?
— Подавленной. Тогда я так не решил. Счел, что сила еще не проснулась.
— Почему?
— Потому что был глупее на два года.
Он произнес это без защиты, и Нина не стала добивать.
Пока.
— Кто назначил проверку?
Дамиан сказал:
— Матушка.
— Разумеется.
— Октавия не стала бы вредить Сердцу.
— Люди редко думают, что вредят. Обычно они спасают семью, род, честь, порядок. Вредят почему-то женщины, которые потом не могут встать с постели.
Дамиан промолчал.
Нина повернулась к листам клятвы.
— Здесь сказано: жена не должна быть лишена голоса в делах клятвы. Почему Эвелину не допустили к обсуждению ее собственной метки?
Нэрис ответил:
— Ее признали слишком слабой после проверки.
— То есть сначала провели проверку без нее, а потом результат проверки использовали, чтобы не допускать ее дальше.
— Да.
— Замечательно. Пятое: поднять записи той проверки.
Нэрис записал.
Дамиан сказал:
— Я сам распоряжусь.
— Нет.
Его взгляд стал острым.
— Что значит нет?
— Это

значит, что распоряжаться будете вы, но копии получу я. Сегодня.
 — Архив не выносит такие документы.
 — Тогда я приду в архив.
 — Ты едва стоишь.
 — Тогда принесите кресло.
 Нэрис осторожно сказал:
 — Технически леди Эвелина имеет право присутствовать при чтении записей ее брачной метки.
 — Технически, — повторила Нина, — мое любимое слово после “доказательства”.
 Дамиан посмотрел на Нэриса так, будто старик решил лично подложить полено в семейный пожар.
 — Вы слишком охотно помогаете.
 — Я слишком долго не помогал, милорд.
 Это было сказано тихо.
 Дамиан ничего не ответил.
 И именно в это мгновение Нина впервые увидела не просто гордого предателя, а главу дома, вокруг которого десятилетиями строили удобную слепоту. Это не оправдывало его. Ни на каплю. Но объясняло, почему он сейчас выглядел так, будто под его ногами проваливается не пол, а вся родовая правда.
 Пусть проваливается.
 Иногда полы надо вскрывать, если под ними гниль.
 — Что еще я должна знать о Суде Пламени? — спросила Нина.
 Нэрис сложил исписанный лист поверх выписки.
 — Суд требует трех оснований для немедленного созыва. У вас уже есть два: публично подтвержденное нарушение супружеской верности и повреждение брачной метки с применением клятвенного пепла.
 — Публично подтвержденное?
 — Свидетели видели леди Вейр в покоях лорда Дамиана ночью. Если капитан Ридан и служанка Тая подтвердят, этого достаточно для начала разбирательства.
 Тая побледнела.
 — Меня будут спрашивать?
 Нина повернулась к ней мягче.
 — Да. Но я не позволю давить на тебя одну.
 Дамиан сказал:
 — Никто не будет давить на служанку.
 Нина посмотрела на него.
 — Лорд Эштар, в вашем доме на меня два года давили так, что я почти умерла. Не раздавайте обещания от имени всех, пока не выяснили, кто вообще здесь чем занимается.
 Он сжал губы.
 — Справедливо.
 Нина чуть не сбилась.
 Он не спорил.
 Это было раздражающе неудобно.
 — Третье основание? — спросила она у Нэриса.
 — Доказательство, что нарушение клятвы связано с угрозой Огненному Сердцу. Ночная трещина и удары Сердца могут быть таким основанием, но Совет потребует подтверждения у нижней печати.
 — Нижняя печать — это где?
 Дамиан ответил:
 — Под замком. В зале Сердца.
 — Отлично. Идем туда.
 — Нет.
 — Мы снова на этом слове.
 — К Сердцу нельзя вести тебя в таком состоянии.
 — Тогда вы подтверждаете угрозу без меня?
 — Я подтверждаю, что Сердце было нестабильно.
 — А потом кто-то скажет, что нестабильность вызвана моей истерикой?
 Нэрис тихо кашлянул.
 Дамиан мрачно посмотрел на него.
 — Что?
 — Формулировка вероятна, милорд.
 — Вот, — сказала Нина. — Поэтому я иду.
 Дамиан шагнул ближе к столу.
 — Ты не понимаешь Сердце. Оно не просто источник. Оно чувствует кровь, клятву, ложь, страх. Если твоя метка повреждена, оно может принять тебя за угрозу.
 Нина усмехнулась.
 — За ночь многое изменилось, но приятно, что хоть кто-то в этом замке может принять меня всерьез.
 — Это не повод шутить.
 — Я не шучу. Вы все три года считали Эвелину слабой. Теперь боитесь, что она опасна. Вы бы уже определились.
 Дамиан замолчал.
 За дверью прозвучали шаги. Не стража. Эти шаги были легче, но увереннее, с сухим стуком каблучков.
 Тая напрыглась:
 — Леди Октавия.
 Дверь открылась без просьбы войти.
 Нина медленно повернула голову.
 Старая хозяйка Крайтхолла вошла так, будто северное крыло, чужая боль и все двери мира по-прежнему принадлежали ей. На ней было темное платье с высоким воротом, серебряные волосы собраны гладко, лицо безупречно. За ее спиной стояла Мавина с лекарской сумкой и явно неприятным для себя выражением человека, которого привели не лечить, а свидетельствовать.
 — Я смотрю, отдых вам не понадобился, — сказала Октавия.
 — Ваш сын тоже расстроился.
 Дамиан бросил на Нину короткий взгляд. Не злой. Предупреждающий.
 Она проигнорировала.
 Октавия заметила выписку из клятвы на столе.
 — Мастер Фаль, вы слишком торопитесь.
 — Клятвы, миледи, имеют дурную привычку портиться, когда их слишком долго держат в

темноте.
 — Не дерзите.
 — Я берегу силы для Суда.
 Октавия прищурилась.
 — Суда не будет.
 Нина откинулась на спинку кресла.
 — Вот как.
 — Развод с главой рода Эштаров не решается ночной обидой.
 — Тогда нам повезло. У нас есть не только обида, но и измена, клятвенный пепел, поврежденная метка, пропавший лекарь и сожженные записи.
 Мавина опустила глаза.
 Октавия посмотрела на нее:
 — Ваше заключение было предварительным.
 Лекарь побледнела, но ответила:
 — След печати подавления очевиден.
 — Я сказала: предварительным.
 Нина встала.
 Не надо было. Голова сразу закружилась. Тая дернулась к ней, но Нина удержалась за край стола.
 — Леди Октавия, — сказала она тихо. — В моем новом списке неприятных людей вы пока не на первом месте. Не старайтесь.
 Дамиан резко произнес:
 — Эвелина.
 — Нет. Я хочу понять. Вы пришли сюда зачем? Забрать заключение лекаря? Запретить архив? Объяснить мне, что измена вашего сына — мое семейное испытание? Или снова назвать поврежденную метку слабостью?
 Октавия медленно повернула к ней лицо.
 — Вы не знаете, что значит держать драконий род.
 — Знаю, что значит держать лицо, пока муж предает. Спасибо, не понравилось.
 — Девочка...
 — Мне двадцать четыре или тридцать три, в зависимости от того, какой болью считать, — резко сказала Нина и тут же поняла, что ошиблась.
 Тишина упала быстро.
 Слишком быстро.
 Дамиан смотрел на нее не мигая.
 Нэрис замер.
 Октавия чуть подняла брови.
 — Что вы сказали?
 Нина почувствовала, как холодный пот выступил между лопатками.
 Тая испуганно прошептала:
 — Миледи...
 Надо было спасать.
 Сейчас.
 — Я сказала, — Нина медленно выпрямилась, — что за годы этого брака прожила не одну жизнь. Если в вашем доме женская боль считается только по возрасту, то вы считаете плохо.
 Нэрис первым опустил взгляд к листам, будто давая ей уйти от опасного поворота. Умный старик.
 Дамиан не отвел глаз.
 Октавия, кажется, тоже не поверила до конца. Но ей сейчас было выгоднее спорить не о странных словах, а о контроле.
 — Вы истощены. Ваши слова будут истолкованы против вас.
 — Значит, записывайте точнее.
 — Суд Пламени уничтожит вас.
 — Не сильнее, чем молчание.
 Октавия побледнела от злости.
 — Дамиан, останови это.
 Нина повернулась к нему.
 Вот теперь — важно.
 Сейчас он мог сделать то, что делал всю ночь: приказать, закрыть, велеть лекарю усыпить, спрятать документы. Или нет.
 Дамиан смотрел на мать. Потом на Нэриса, на Мавину, на Таю. Потом на черную метку на запястье Нины.
 — Нет, — сказал он.
 Октавия застыла.
 — Что?
 — Я не стану ее останавливать.
 Эти слова не были нежными. Не были искуплением. Но в комнате от них что-то сдвинулось.
 Октавия медленно произнесла:
 — Ты понимаешь последствия?
 — Начинаю.
 — Вейры раздавят нас, если дело выйдет наружу.
 — Вейры уже внутри нашего дома.
 — Ты не знаешь этого.
 — Лекарь исчез. В моих покоях использовали клятвенный пепел. Метка моей жены подавлена два года. Что еще мне надо не знать, чтобы вам было удобнее?
 Нина впервые услышала в его голосе не приказ, а злость, обращенную не на нее.
 Октавия тоже услышала.
 И оттого стала опаснее.
 — Твоя жена требует развода.
 — И имеет на это право.
 Слова Дамиана ударили неожиданно.
 Нина не позволила себе смягчиться. Право у нее было не потому, что он признал. Но услышать это при Октавии было полезно.
 Октавия посмотрела на сына так, будто он предал род сильнее, чем ночью предал жену.
 — Ты отдашь дом на растерзание Совету ради женской обиды?
 Дамиан ответил не сразу.
 — Я уже отдал его на растерзание лжи ради мужской гордости. Посмотрим, что хуже.
 Нэрис тихо выдохнул.
 Мавина закрыла глаза.
 Тая смотрела на Дамиана так, словно впервые увидела в нем не страшного хозяина, а человека, который может сказать правду, пусть поздно, пусть сквозь зубы.
 Нина же чувствовала другое: осторожность.
 Раскаяние виновного — тоже инструмент. Иногда искренний, иногда удобный. Дамиан мог признавать отдельные факты, но это не отменяло главного: он изменил, не поверил, не защитил. Он был

частью системы, даже если теперь эта система кусала его самого.
Октавия повернулась к Нине.
— Вы добились первого признания. Не думайте, что это победа.
— Не думаю. Победой будет свобода.
— Свобода? — старая хозяйка усмехнулась. — Вы связаны с Сердцем. С кровью Эштаров. С землей, которую даже не понимаете. Вы не свободны, леди Эвелина. Вы просто еще не знаете, где ваши цепи.
Нина подняла запястье с меткой.
— Зато уже знаю, кто их держал.
Октавия ушла не сразу. Сначала посмотрела на Дамиана — долго, тяжело, по-матерински и по-властному одновременно. Потом развернулась и вышла. Мавина осталась.
— Вы не идете? — спросила Нина.
Лекарь сжала ручку сумки.
— Я должна осмотреть метку повторно. Если вы позволите.
Октавия за дверью остановилась, но не вернулась.
Нина кивнула.
— Позволю.
Мавина подошла. Ее пальцы были прохладными, осторожными. Она не пыталась быть ласковой, и за это Нина была ей благодарна. Ласка в этом доме пока выглядела подозрительнее ножа.
— Жар уменьшился, — сказала лекарь. — Но трещина глубокая.
— Я могу идти к Сердцу?
Мавина резко подняла глаза.
— Нет.
— Если очень надо?
— Тогда я скажу, что это глупо, опасно и может вас убить.
— Но могу?
Лекарь помолчала.
— Если Сердце вас уже признало ночью, оно может не причинить вреда. Но при поврежденной метке любой отклик будет болезненным.
— То есть да.
— То есть вы не слушаете врачей.
— Слушаю. Просто не всегда подчиняюсь.
Мавина неожиданно посмотрела на нее почти с уважением.
— Тогда хотя бы поешьте перед тем, как совершать безрассудства.
Тая сразу ожила:
— Я принесу завтрак.
— И сама поешь, — сказала Нина.
Служанка замерла.
— Миледи?
— Ты всю ночь просидела в кресле. Еда нужна не только господам.
Тая опустила глаза, и Нина увидела, как у нее задрожали губы.
— Да, миледи.
Когда Тая вышла, Дамиан сказал:
— Ты изменила ее за одну ночь.
— Нет. Просто спросила, чего она хочет.
— Слуги в Крайтхолле не привыкли...
— Быть людьми?
Он замолчал.
Нина устало села обратно.
— Простите. Нет, не простите. Это было справедливо.
— Да.
Снова это “да”. Это спокойное принятие ее ударов начинало злить почти больше, чем сопротивление. Потому что с сопротивлением понятно: дави в ответ. А с человеком, который вдруг решил быть честным, надо быть аккуратнее. Честность виновного может стать первым шагом к правде, а может — способом выпросить скидку.
Нина не собиралась давать скидки.
Нэрис собрал выписку, но не убрал ее в футляр.
— Если вы намерены идти к Сердцу, надо сделать это до полудня.
— Почему?
— После полудня начнут прибывать представители ближних домов. Слухи уже пошли.
— О чем?
Нэрис посмотрел на Дамиана.
Тот ответил:
— О ночном ударе Сердца. О Лиоре. О тебе.
— В каком порядке?
— В самом неприятном.
— Значит, обо мне последней.
— Почему?
— Потому что виновные всегда сначала обсуждают катастрофу, потом любовницу и только потом жену, которая все испортила своим присутствием.
Нэрис сухо заметил:
— У вас талант к архивной краткости.
Дамиан сказал:
— Я могу задержать роды у ворот.
— Не надо, — ответила Нина.
Он нахмурился.
— Почему?
— Потому что слухи без лица становятся удобнее для врагов. Пусть видят меня живой.
— Живой, но слабой.
— Слабость не преступление. А вот попытка выдать ее за вину — почти.
Дамиан долго смотрел на нее.
— Прежняя Эвелина никогда бы так не сказала.
Нина встретила его взгляд.
— Прежняя Эвелина говорила. Просто вы не слушали.
Он побледнел.
— Это была жестокость.
Нина знала.
Но не пожалела.
Может быть, прежняя Эвелина правда пыталась. Может быть, писала, просила, намекала, плакала, приносила доказательства. Может быть, Дамиан смотрел на бумаги и видел не угрозу, а слабую жену, которой опять “показалось”.
Именно за это он должен платить.
— Я хочу видеть архив после Сердца, — сказала Нина.
Нэрис кивнул.
— Подготовлю записи проверки метки.
— И брачный договор.
Он помедлил.
— Полный договор потребует присутствия леди Октавии.
— Она придет.

Ей будет интересно убедиться, что я не умею читать.
 — Это опасная ставка.
 — Нет. Опасная ставка была у Лиоры, когда она решила, что я умру молча.
 Дверь открылась, и вошла Тая с подносом. За ней — стражник с еще одним подносом, явно присланный не кухней, а чьим-то приказом: свежий хлеб, горячий бульон, сыр, ягоды в меду, маленький чайник с травяным отваром.
 Тая поставила поднос перед Ниной.
 — Это прислали из хозяйской кухни.
 — Октавия?
 — Не знаю, миледи.
 Дамиан сказал:
 — Я.
 Нина посмотрела на еду, потом на него.
 — Думаете, бульон помогает при разводе?
 Кайрен, которого Нина не заметила в дверях, сказал:
 — В нашей семье пока никто не пробовал. Исторический момент.
 Дамиан закрыл глаза.
 — Ты опять подслушивал?
 — Я охранял коридор от уныния.
 Кайрен вошел без приглашения, но остановился у порога, ожидая, выгонят ли его. Нина не выгнала.
 — Лорд Кайрен, вы знаете, где зал Сердца?
 — К несчастью, да.
 — Проводите нас после завтрака.
 Дамиан резко повернулся:
 — Нет.
 Кайрен поднял брови.
 — Брат, я польщен твоей верой в мою разрушительную силу, но зал Сердца я не строил.
 — Я сам поведу.
 — Вы будете заинтересованной стороной, — сказала Нина.
 — Это мой родовой источник.
 — А это моя поврежденная метка. Ваша заинтересованность очевиднее моей.
 Кайрен сложил руки на груди.
 — Формально она права.
 — Формально ты можешь выйти.
 — Могу. Но тогда вы опять останетесь без человека, который умеет считать до четырех.
 Нина взяла ложку. Руки дрожали, но она заставила себя есть. Бульон оказался горячим, соленым, с травами, которых она не знала. Тело приняло еду с такой жадностью, что стало страшно: сколько прежняя Эвелина ела? Сколько спала? Сколько сил у нее забрали до того, как назвали слабой?
 Дамиан смотрел на нее недолго, потом отвернулся к окну.
 Стыдитесь, лорд Эштар.
 Стыдитесь молча и полезно.
 После завтрака Мавина снова проверила пульс, заставила выпить отвар и сунула Тае маленький пузырек.
 — Если губы посинеют, если метка пойдет выше локтя или если миледи потеряет сознание, сразу три капли под язык.
 — А если я просто начну ругаться? — спросила Нина.
 Мавина не дрогнула.
 — Это, кажется, теперь признак улучшения.
 Кайрен тихо рассмеялся.
 Даже Нэрис позволил себе посмотреть в сторону окна.
 Дамиан не смеялся. Он стоял у двери, мрачный, собранный, чересчур красивый для мужчины, которого хотелось обвинять без отвлечений.
 Нина поднялась.
 На этот раз ноги держали лучше. Тая помогла ей надеть темное платье — простое, закрытое, не то ночное, в котором она вошла в чужую жизнь через измену. Волосы Нина велела заплести в тяжелую косу. В зеркале на нее смотрела молодая женщина с бледным лицом, большими серыми глазами и губами, которые пока еще казались слишком мягкими для ее новых слов.
 Эвелина Роувен.
 Двадцать четыре года.
 Ненужная жена.
 Нина коснулась холодной рамы зеркала.
 — Больше нет, — сказала она тихо.
 Тая услышала.
 — Миледи?
 — Ничего. Идем.
 У двери ждали Дамиан, Кайрен, Нэрис, Мавина и двое стражников Ридана. Маленькая процессия для похода в подземелье. Нина вдруг подумала, что в прошлой жизни перед разводом тоже собиралась процессия: адвокат, документы, свидетельства, банковские выписки, подруга, которая ждала в коридоре суда с кофе.
 Здесь вместо кофе был дракон.
 Что ж.
 Не самый удобный, но внушительный аксессуар.
 Они шли через северное крыло, потом по узкой галерее, где окна выходили на Красный фьорд. Море внизу было темным, с белыми полосами пены. Скалы торчали из воды, как обугленные зубы. Над замком кружили птицы, похожие на черных чаек, только крупнее.
 В коридорах слуги замирали и кланялись.
 Нина видела их глаза.
 Страх. Любопытство. Жалость. И что-то новое, осторожное: ожидание.
 Слухи уже дошли. Конечно, дошли. В больших домах стены всегда глухие только для правды, а сплетни проходят сквозь камень.
 У лестницы их ждала Октавия.
 Нина почти не удивилась.
 — Я иду с вами, — сказала старая хозяйка.
 — Конечно, — ответила Нина. — Цепи любят присутствовать при осмотре замков.
 Кайрен закашлялся.
 Октавия

посмотрела на него:
 — Если ты издашь еще один звук, я отправлю тебя встречать Вейров у ворот.
 — Молчу как семейный портрет.
 Дамиан коротко сказал:
 — Идем.
 Лестница вниз оказалась широкой, старой, вытертой посередине. На стенах горели огненные чаши без дыма. Чем ниже они спускались, тем жарче становился воздух. Нина чувствовала Сердце раньше, чем слышала: в костях, в зубах, в поврежденной метке. Оно било медленно, тяжело, словно под замком спал великан, которому снился плохой сон.
 На третьем повороте метка вспыхнула.
 Нина остановилась.
 Тая сразу схватила пузырек.
 — Не надо, — выдохнула Нина.
 Дамиан обернулся.
 — Возвращаемся.
 — Даже не мечтайте.
 — Ты побледнела.
 — А вы удивительно наблюдательны после трех лет брака.
 Он замолчал.
 Кайрен тихо сказал:
 — Попадание засчитано.
 Октавия ледяно произнесла:
 — Это не балаган.
 — Именно, — ответила Нина. — Поэтому идем.
 У подножия лестницы стояла дверь из черного металла. На ней не было ручки — только знак дракона, свернувшегося вокруг пламени. Дамиан подошел первым. Положил ладонь на печать. Металл вспыхнул золотом.
 Дверь не открылась.
 Дамиан нахмурился.
 Октавия резко выпрямилась.
 Нэрис прошептал:
 — Интересно.
 — Что? — спросила Нина.
 — Раньше дверь всегда открывалась главе рода.
 Дамиан снова приложил ладонь.
 Пламя по знаку дернулось, но дверь осталась неподвижной.
 Где-то за ней ударило Сердце.
 Раз.
 Потом второй.
 Нина почувствовала, как метка на запястье отвечает. Больно, горячо, но ясно.
 Она медленно шагнула вперед.
 Дамиан повернулся.
 — Нет.
 — Отойдите.
 — Эвелина.
 — Лорд Эштар, если дверь не открылась мужу после ночи измены, может, стоит попробовать жену?
 Кайрен тихо сказал:
 — Я бы записал это на герб.
 Октавия побледнела:
 — Не смейте прикасаться к печати.
 Нина посмотрела на нее.
 — А то что? Сердце узнает, кто здесь лишний?
 Она не стала ждать ответа.
 Протянула руку и положила ладонь рядом с потухшим следом Дамиана.
 Боль ударила сразу.
 Не в руку — в память.
 Перед глазами вспыхнул зал, которого она никогда не видела: огонь в чашах, белое платье, голос Дамиана, произносящий клятву. Потом другое: лекарь Грэх склонился над ее запястьем; Октавия у окна; серый пепел; тихий голос Лиоры за ширмой; слабость; темнота; годы молчания, сложенные в одну раскаленную точку.
 Нина стиснула зубы.
 Металл под ладонью стал мягко теплым.
 И дверь открылась.
 Не перед драконом.
 Перед ней.
 За спиной кто-то резко вдохнул.
 Нина убрала руку. На метке проступила свежая золотая нить — тонкая, почти незаметная, но живая. Она пересекла черную трещину так, как первая строчка пересекает пустой лист.
 Из темноты за дверью пахло жаром, железом и древней кровью.
 Внизу, в огромном круглом зале, билось Огненное Сердце Крайтхолла.
 И оно ждало не Дамиана.

Глава 4. Письма, которых я не писала

Огненное Сердце оказалось не сердцем в человеческом смысле.
 Нина поняла это сразу, едва переступила порог нижнего зала. Она ожидала увидеть каменную чашу с пламенем, источник, алтарь, может быть, огромный кристалл, как в тех книгах, где магия любила выглядеть удобно и красиво. Но под Крайтхоллом билось нечто иное.
 В центре круглого зала, окруженного черными колоннами, висел в воздухе огромный сгусток огня. Не шар, не пламя, не расплавленный металл — все сразу. Внутри него двигались золотые жилы, темные прожилки и красные вспышки, похожие на кровь в глубине раскаленного угля. От каждого удара по каменному полу расходилась тонкая дрожь, и Нина чувствовала ее ступнями, ребрами, зубами, поврежденной меткой.
 Зал был древнее замка. Это ощущалось кожей. Стены здесь не строили — их будто вынули из самой горы. На камне тянулись знаки, выжженные так глубоко, словно их писали не резцом, а когтем. Внизу, вокруг Сердца, лежали семь металлических кругов. На каждом — имена. Одни яркие, другие почти стертые, третьи затянутые черной копотью.
 Нина сделала шаг.
 Метка на запястье дрогнула.
 Сердце ответило.
 Не болью. Узнаванием.
 Будто в темной комнате кто-то повернул голову и сказал без слов: наконец-то.
 — Эвелина, — тихо произнес Дамиан за ее спиной.
 Нина не обернулась.
 — Не подходите.
 Он остановился.
 Хорошо. Значит, учится.
 Рядом с Ниной стояла Тая, белая как полотно, но упрямо не отступавшая. Мавина держала пузырек с лекарством так крепко, что костяшки пальцев побелели. Нэрис Фаль уже достал из внутреннего кармана маленькую книжицу и перо, словно даже подземное Сердце драконьего рода было для него прежде всего документом, который надо описать без истерики.
 Кайрен присвистнул, но так тихо, что Октавия не успела его убить взглядом.
 — Я не видел, чтобы дверь отказывала главе рода, — сказал он.
 — И не увидишь больше, если научишься молчать, — отрезала Октавия.
 Но голос у старой хозяйки был не такой твердый, как наверху.
 Она смотрела на Сердце слишком пристально. В ее лице не было изумления. Страх — да. Гнев — да. Но не изумление.
 Нина заметила это и убрала в память.
 Октавия знала, что такое возможно.
 — Мастер Фаль, — сказала Нина, не отводя взгляда от Сердца. — Что должно произойти, чтобы подтвердить угрозу брачной клятве?
 — Сердце должно показать повреждение связи.
 — Как?
 — По-разному.
 — Очень точный ответ.
 — Миледи, когда родовые источники начинают говорить ясно, обычно уже поздно спасать тех, кто их довел.
 Нина медленно выдохнула.
 Жар в зале обволакивал тело. Слабость, с которой она проснулась, отступала, но не исчезала. Она просто меняла форму. Становилась натянутой струной, на которой мог сыграть любой неверный шаг.
 Сердце ударило снова.
 На полу перед Ниной вспыхнула тонкая линия.
 Золотая. Потом красная. Потом черная.
 Линия потянулась от ее ног к первому металлическому кругу и остановилась возле имени, которое Нина прочитала без труда:
 Эвелина Роуен-Эштар.
 Буквы были потемневшими по краям.
 Нина опустила на одно колено, игнорируя, как резко дернулся Дамиан. Тая тихо вскрикнула, но удержалась.
 На круге рядом с именем Эвелины проступали мелкие трещины. Не случайные. Они складывались в рисунок, похожий на сеть. Будто кто-то долго и терпеливо обматывал имя тонкой черной нитью.
 Нина протянула руку, но Нэрис резко сказал:
 — Не касайтесь.
 Она замерла.
 — Почему?
 — Это запись брачной связи. Если она повреждена, прямое прикосновение может снова ударить по метке.
 — А если коснется Дамиан?
 Нэрис посмотрел на лорда Эштара.
 — Может увидеть то, что не видел.
 — Это звучит полезно.
 — Это может быть больно.
 Нина наконец обернулась к Дамиану.
 — Вы слышали?
 Его лицо было напряженным.
 — Да.
 — Вы готовы?
 Октавия шагнула вперед:
 — Нет.

Это безумие. Сердце нестабильно. Дамиан не обязан...
— Обязан, — перебил он.
Октавия осеклась.
Дамиан медленно подошел к кругу, но остановился на расстоянии вытянутой руки от Нины. Не рядом. Не касаясь. Как она велела.
— Что нужно сделать?
Нэрис сказал:
— Положите ладонь на собственное имя.
Нина только теперь увидела второй круг рядом. На нем горело имя Дамиана Эштара — яркое, сильное, почти ослепительное. Но от него к имени Эвелины шла та самая черная сеть.
Дамиан опустился на одно колено.
Для человека его положения это, кажется, было почти неприлично. Нина услышала, как Октавия резко вдохнула.
Дамиан положил ладонь на свое имя.
Сердце ударило.
Зал исчез.
Нина не успела закрыть глаза. Перед ней развернулось воспоминание — не ее, не прежней Эвелины, а самой клятвы.
Белый зал Крайтхолла. Свадебные огни. Дамиан в черном с золотом. Эвелина в белом, слишком тонкая, испуганная, но такая открытая, что на нее больно было смотреть. Вокруг — лица родов, Октавия, Нэрис, Ридан, Марк Роувен с натянутой улыбкой.
Дамиан держит руку Эвелины.
— Моя кровь признает твою. Мое пламя не сожжет тебя. Мой дом не отринет тебя.
Метка на запястье Эвелины вспыхивает золотом.
И в этот миг где-то за спинами гостей пепельная тень касается края брачного договора.
Строка меняется.
Не вся. Только одна.
“Если Сердце ответит на кровь жены, она станет равной хранительницей” — буквы дрожат, темнеют, складываются иначе:
“Если Сердце не ответит на кровь жены, ее голос хранится главой рода до выздоровления”.
Нина резко вдохнула.
Видение прыгнуло.
Год спустя. Малый зал. Эвелина сидит в кресле, бледная, с кругами под глазами. Лекарь Грэх держит ее запястье. Октавия стоит у окна. Нэрис у стола, хмурый, с раскрытой книгой. Дамиана нет.
— Метка слаба, — говорит Грэх. — Леди Эвелина истощена. Сердце не должно тревожить ее кровь.
Октавия отвечает:
— Сделайте так, чтобы она не страдала.
На губах Грэха появляется тень улыбки.
— Разумеется, миледи.
Пепел ложится на кожу.
Эвелина пытается отдернуть руку, но слишком слаба.
— Больно...
— Потерпите, дитя, — говорит Октавия. — Это ради вашего же блага.
Золотая метка тускнеет.
Где-то под замком Сердце бьется чаще.
Его не слышат.
Видение рвется снова.
Два месяца назад. Эвелина стоит в архиве одна. Ночь. В руках у нее маленький светильник. Она вытаскивает из книги тонкую металлическую пластину, прячет ее в рукав и шепчет:
— Они переписали не только письма...
За дверью скрип.
Эвелина оборачивается.
Лиора улыбается из темноты.
— Как нехорошо, леди Эвелина. Вам же нельзя волноваться.
Видение ударило черным пеплом.
Нина пришла в себя на каменном полу. Тая держала ее за плечи. Мавина что-то говорила, но слова не сразу доходили.
Дамиан стоял на коленях напротив своего имени.
Лицо у него было серым.
Не бледным — именно серым, как у человека, которому только что показали могилу, вырытую его собственными руками.
— Ты видел? — спросила Нина.
Голос прозвучал глухо.
Дамиан поднял глаза.
— Да.
Октавия стояла неподвижно. Впервые с момента пробуждения Нина увидела на ее лице не власть и не холод. Страх стал старше ее самой.
— Дамиан, — сказала она. — Воспоминания Сердца не всегда...
— Молчите, — произнес он.
Тихо.
Но Октавия замолчала.
Нина с помощью Таи поднялась. Ноги дрожали.
— Мастер Фаль.
Нэрис уже писал.
— Записываю, миледи.
— Все.
— Все, что видел сам. Все, что подтвердилось откликом Сердца.
— Там была строка договора. Она изменилась в день свадьбы.
Нэрис поднял взгляд.
— Я тоже увидел.
Октавия резко повернулась к нему:
— Вы видели тень, не лицо.
— Для архива достаточно тени, если она меняет строку в брачном договоре под Сердцем.
— Недостаточно для обвинения.
Нина усмехнулась.
— Значит, найдем лицо.
Сердце снова ударило.
На имени Эвелины черная сеть дрогнула, и одна тонкая нить оборвалась. Золотой свет пробился из-под копоты.
Боль в запястье стала острее, но чище.
Мавина ахнула:
— Метка откликается.
—

Это хорошо? — спросила Тая.
 — Это опасно, — ответила лекарь.
 — Вы все здесь называете хорошее опасным, — сказала Нина. — Начинаю привыкать.
 Кайрен вдруг подошел ближе к третьему кругу.
 — А это что?
 Нэрис обернулся.
 — Не касайтесь.
 — Я и не собирался. Я еще нужен себе целым.
 Нина посмотрела туда, куда он указывал.
 На третьем металлическом круге имени почти не было видно. Оно было засыпано пеплом. Но рядом проступал знак — пепельный перстень, похожий на тот, что Нина видела на руке Лиоры.
 — Вейры? — спросила она.
 Дамиан встал.
 — Их знак не должен быть здесь.
 — Но он здесь.
 — Это невозможно.
 Нина медленно повернула к нему голову.
 — Лорд Эштар, мы же договорились: слово “невозможно” в этом доме означает “кто-то очень постарался”.
 Кайрен тихо сказал:
 — Я бы сделал это девизом недели.
 Дамиан даже не взглянул на брата.
 Он смотрел на знак Вейров.
 — Если их метка коснулась Сердца...
 — То что?
 Нэрис ответил:
 — Тогда речь идет не только о разводе. Это попытка получить доступ к родовому источнику через поврежденную брачную связь.
 — И через Лиору, — сказала Нина.
 Октавия резко произнесла:
 — Пока нет доказательств.
 Нина посмотрела на нее.
 — Вы удивительно стараетесь, чтобы их не стало.
 Старая хозяйка побледнела от ярости.
 — Я стараюсь удержать дом.
 — Нет. Вы стараетесь удержать красивую ложь на месте правды. Это разные занятия.
 Дамиан сказал:
 — Хватит.
 Нина повернулась к нему, готовая ударить словом, но он смотрел не на нее.
 На мать.
 — Вы знали о проверке метки. Вы приказали Грэху облегчить ее состояние.
 — Да.
 — Вы видели, что ей больно.
 — Она была слаба.
 — Вы видели?
 Октавия молчала.
 Дамиан повторил:
 — Вы видели?
 — Да! — сорвалась она. — Видела! Видела бледную девочку, которую твой брак медленно убивал. Видела Сердце, которое не отвечало на ее кровь. Видела Совет, готовый назвать ее бесплодной ошибкой Роуенов и потребовать нового союза. Я пыталась выиграть время.
 — Для кого?
 — Для рода!
 — Для нее?
 Октавия отвернулась.
 Ответ был дан.
 Нина не почувствовала удовлетворения. Только усталость. Сколько женщин в разных мирах были “ценой времени”, которое выигрывали для семьи, рода, детей, имени, бизнеса, репутации? Сколько потом удивлялись, что женщина не выдержала?
 — Мне нужно в архив, — сказала она.
 Мавина резко возразила:
 — Вам нужно в постель.
 — Мавина, если я лягу, пока другие будут искать документы, к вечеру окажется, что документы сами сгорели от стыда.
 Нэрис сухо сказал:
 — Архивы редко испытывают стыд, миледи. Этим и полезны.
 Дамиан взглянул на метку на полу.
 — Сначала я опечатаю зал Сердца.
 — Вы?
 — Да.
 — Один?
 — С Риданом и Нэрисом.
 Нина подумала.
 Ей не нравилось отпускать Сердце из-под собственного взгляда. Но еще меньше нравилось упасть здесь и дать Октавии повод объявить ее невменяемой.
 — Хорошо. Но мастер Фаль идет со мной после опечатывания. И запись увиденного будет сделана в двух копиях.
 — В трех, — сказал Нэрис.
 — Почему?
 — Одну украдут. Вторую попытаются сжечь. Третья должна быть там, где о ней никто не знает.
 Кайрен улыбнулся.
 — Старик, вы восхитительно несчастны в своей профессии.
 — Это не профессия. Это наказание бумагами.
 Дамиан подошел к Нине, но остановился на прежней безопасной границе.
 — Тебя проводят наверх.
 — Тая проводит. Кайрен тоже.
 — Кайрен?
 — Он умеет считать до четырех.
 — Я счастлив, что наконец нашел свое предназначение, — сказал Кайрен.
 Дамиан посмотрел на брата.
 — Не отходи от нее.
 — Даже если она велит?
 — Особенно если она велит.
 Нина прищурилась.
 — Я стою рядом.
 — Именно поэтому говорю при тебе, — ответил Дамиан.
 Новый тон. Не приказ через голову. Не распоряжение ее телом, как вещью. Скорее попытка заранее признать: да, я все еще хочу контролировать, но хотя бы не притворяюсь, что это забота без твоего участия.
 Недостаточно.
 Но лучше, чем ночью.
 — Я сама решу, кто от меня отходит, — сказала Нина. — Но Кайрен может

идти рядом.
 — Какая честь, — пробормотал тот.
 Они поднялись из зала Сердца медленно. Каждый пролет лестницы давался Нине тяжелее. Жар сменялся холодом, в глазах темнело, но внутри держалось то самое золотое чувство, которое появилось у двери: Сердце откликнулось. Не Дамиану. Не Октавии. Ей.
 И это пугало всех куда сильнее ее требования развода.
 Наверху Кайрен настоял на короткой остановке в галерее, где было открыто узкое окно. Ветер с фьорда ударил соленой свежестью. Нина оперлась ладонью о подоконник и впервые за утро вдохнула без запаха пепла.
 — Вы правда хотите идти в архив сейчас? — спросил Кайрен.
 — Да.
 — Вы сейчас выглядите как человек, который может победить Совет и проиграть лестнице.
 — Значит, лестницу обойдем позже.
 Он усмехнулся.
 — Знаете, прежняя Эвелина боялась моего юмора.
 — Может, он был хуже.
 — Удар принят.
 Тая стояла рядом, прижимая к груди пузырек Мавины.
 — Миледи, может, хотя бы немного отдохнете? Совсем немного.
 Нина посмотрела на девушку. В ее глазах была не попытка остановить, не приказ, не забота через запрет. Просто страх за нее.
 С этим спорить труднее.
 — Десять минут, — сказала Нина. — В северном крыле. Потом архив.
 Кайрен кивнул.
 — Справедливо. За десять минут документы не успеют состариться сильнее.
 Но документы успели сделать другое.
 Когда они дошли до северного крыла, у двери уже ждал Ридан.
 Лицо капитана было мрачнее обычного.
 — Миледи.
 — Что случилось?
 — В ваших прежних покоях нашли письма.
 Нина замерла.
 — Какие письма?
 Ридан посмотрел на Кайрена, потом на Тая, потом снова на Нину.
 — Письма, которые могут быть использованы против вас на Суде.
 Нина медленно выпрямилась.
 Усталость как рукой сняло.
 — Против меня — это как?
 — Их содержание указывает на связь с неизвестным мужчиной. И на намерение покинуть Крайтхолл до годовщины брака.
 Тая побледнела.
 Кайрен перестал улыбаться.
 Нина почувствовала странное спокойствие.
 Вот и началось.
 Если женщина требует развода после измены мужа, лучший способ защиты — объявить, что она сама не святая. Старо. Пошло. Эффективно.
 — Кто нашел?
 — Старшая горничная Мелла при сборе ваших вещей.
 — Та самая Мелла, которая носила лекарства?
 Ридан чуть прищурился.
 — Да.
 — Где письма?
 — У леди Октавии.
 Кайрен тихо выругался.
 Нина посмотрела на капитана.
 — Почему не у вас?
 — Мелла отнесла их старшей хозяйке прежде, чем мои люди успели вмешаться.
 — Разумеется.
 Тая дрожащим голосом сказала:
 — Миледи, вы не писали... я бы знала...
 Нина повернулась к ней.
 — Я знаю.
 Она не знала. Не полностью. Но видела достаточно чужой памяти, чтобы понять: прежняя Эвелина могла писать брату, могла писать Дамиану, могла записывать правду для себя. Но тайный любовник? Побег? Слишком удобно. Слишком вовремя.
 — Ведите к Октавии, — сказала Нина.
 Ридан нахмурился.
 — Вам лучше сначала присесть.
 — Капитан, если я сейчас присяду, к концу дня письма прочтает весь Совет без моего участия.
 Кайрен мрачно сказал:
 — Она права.
 — Я не спорю, лорд Кайрен. Я пытаюсь не дать ей упасть на пол.
 — Будете пытаться по дороге.
 Нина пошла первой.
 Не быстро. Быстро она уже не могла. Но достаточно прямо, чтобы слуги, попадавшие в коридорах, снова опускали глаза.
 Октавия была в малой хозяйской гостиной. Не одна.
 Рядом с ней стояла старшая горничная Мелла — полная женщина с аккуратно убранными волосами и лицом человека, который заранее приготовил покорность как щит. У камина — Дамиан, уже вернувшийся из нижнего зала, и Нэрис с запечатанным тубусом в руке. На столе лежали письма.
 Шесть листов.
 Перевязанных синей лентой.
 Слишком красивых.
 Слишком заметных.
 Нина едва не рассмеялась.
 — Как быстро в этом доме находятся доказательства, когда они против меня.
 Октавия подняла голову.
 — Эти письма найдены среди ваших вещей.
 — Не среди моих. Среди вещей прежней Эвелины. Будем точны.
 Нэрис бросил на нее быстрый взгляд, но промолчал.
 Дамиан смотрел на письма так, будто

они были змеями.
 — Ты знаешь, что в них?
 — Капитан пересказал.
 Октавия взяла верхний лист.
 — Здесь говорится, что вы несчастны в браке. Что лорд Эштар холоден к вам. Что вы готовы уйти с человеком, который “любит вас не за силу рода, а за вас саму”.
 — Как трогательно.
 — Это ваша рука.
 — Вы эксперт по моему почерку?
 — Я три года принимала ваши хозяйственные записки.
 — Тогда вы должны знать, что несчастная женщина пишет иначе, когда ее читают. Иначе, когда не читают. И совсем иначе, когда письмо подбрасывают люди без вкуса.
 Мелла вскинула глаза и тут же опустила.
 Нина заметила.
 — Старшая горничная Мелла, — сказала она.
 Женщина вздрогнула.
 — Миледи?
 — Где именно вы нашли письма?
 — В вашей шкатулке с лентами.
 — Какой?
 — Резной. Из темного дерева.
 В чужой памяти вспыхнула шкатулка. Да. Такая была. Но Эвелина хранила там не письма.
 — Тая, что лежало в этой шкатулке?
 Служанка побледнела от страха, но ответила:
 — Ленты для волос, миледи. И маленький серебряный гребень вашей матери.
 — Письма раньше там были?
 — Нет, миледи.
 Октавия холодно сказала:
 — Служанка могла не знать.
 — Могла. Поэтому спросим дальше. Мелла, почему вы полезли в шкатулку с лентами, если должны были собирать платья и бумаги?
 Мелла сглотнула.
 — Я... я проверяла, нет ли там украшений.
 — Зачем?
 — Чтобы ничего не потерялось.
 — Какая забота. Тая, украшения Эвелины хранились где?
 — В большой шкатулке у зеркала. Под ключом.
 — Мелла не могла этого не знать?
 Тая бросила испуганный взгляд на старшую горничную.
 — Все знали, миледи.
 Нина кивнула.
 — Значит, Мелла почему-то пошла искать украшения среди лент и сразу нашла письма.
 Мелла покраснела.
 Октавия сказала:
 — Вы давите на прислугу.
 — Нет. Я задаю вопросы. Давить — это когда женщину два года поят лекарствами, от которых она слабеет.
 Дамиан тихо произнес:
 — Продолжай.
 Нина не посмотрела на него. Не сейчас.
 Она подошла к столу.
 — Можно?
 Октавия на мгновение задержала ладонь на письмах.
 — Это важное свидетельство.
 — Тем более странно, если вы откажетесь дать мне его прочитать.
 Пауза.
 Потом Октавия убрала руку.
 Нина надела перчатки, которые Нэрис молча протянул ей, и взяла первый лист.
 Почерк был похож.
 Даже очень. Наклон, тонкие вытянутые буквы, мягкие соединения, привычка ставить длинный хвост у последней буквы строки. Но Нина всю прошлую жизнь работала с документами и видела подделки лучше, чем чужие оправдания.
 Почерк похож — не значит настоящий.
 Она прочитала письмо до конца.
 “Мой дорогой, я не могу больше жить рядом с человеком, которому мое присутствие тягостнее северного льда...”
 Нина подняла брови.
 — Северный лед?
 Кайрен, вошедший следом и теперь стоявший у двери, тихо сказал:
 — У нас на юге, видимо, есть другой.
 Октавия метнула в него взгляд.
 Нина взяла второе письмо.
 “Когда я думаю о свободе, мне чудится запах жасмина...”
 — Жасмина? — переспросила она.
 Тая робко сказала:
 — У вас от него болела голова, миледи. Лекарь запрещал даже жасминовое мыло.
 Мелла побледнела сильнее.
 Нина положила письмо на стол.
 — Третье.
 В нем неизвестный мужчина назывался “мой светлый господин”.
 Нина посмотрела на Дамиана.
 — У Эвелины был дурной вкус в обращениях?
 Кайрен ответил за него:
 — Эвелина однажды назвала меня “лорд Кайрен, если вам не трудно перестать быть невыносимым”. Так что нет, вкус был неплох.
 У Дамиана на лице мелькнула боль. Значит, помнил.
 Хорошо. Пусть помнит больше.
 Нина разложила письма веером.
 — Мастер Фаль, у вас есть настоящие письма Эвелины?
 — В архиве сохранились хозяйственные записки и несколько писем к лорду Марку Роувену.
 — Принесите копии.
 Октавия резко сказала:
 — Сейчас?
 — Да. Или мы будем верить шести листам, которые странным образом нашла горничная в шкатулке с лентами?
 Нэрис уже повернулся к двери.
 — Я распоряжусь.
 — И еще, — сказала Нина. — Принесите то, чем эти письма написаны.

Чернила, бумага, печать, если есть.
 — Это займет время.
 — У нас вся жизнь впереди, если меня сегодня не признают изменницей.
 Мелла тихо всхлипнула.
 Нина повернулась к ней.
 — А вы останетесь.
 — Миледи, мне нужно...
 — Нет. Вам нужно стоять здесь и вспоминать, кто велел вам открыть именно эту шкатулку.
 — Никто!
 Слишком быстро.
 Нина улыбнулась.
 — Вот теперь стало интересно.
 Октавия поднялась.
 — Хватит. Письма будут переданы на рассмотрение. Ваша попытка запугать служанку не изменит факта: они написаны вашей рукой.
 — Не моей.
 — Вашей.
 Нина медленно повернулась к ней.
 — Леди Октавия, вы так хотите, чтобы я оказалась виновной, что даже не спросили главного.
 — Чего же?
 — Почему женщина, которая якобы собиралась бежать к любовнику, в ночь измены мужа потребовала не побег, а официальный развод через Суд Пламени?
 Октавия замолчала.
 Дамиан поднял взгляд.
 Нина продолжила:
 — Почему она не использовала эти письма, чтобы уйти раньше? Почему не взяла деньги? Почему не предупредила Таю? Почему не спрятала вещи? Почему письма лежали не среди личных бумаг, а в шкатулке с лентами, куда полезла именно Мелла, которая носила лекарства? Почему в письмах есть жасмин, от которого Эвелине становилось плохо? И почему там нет ни одного реального имени?
 Кайрен тихо сказал:
 — Вопросов уже больше четырех. Я официально бесполезен.
 Нина взяла четвертое письмо.
 Там внизу стояла маленькая восковая печать. Не родовая. Личная. Полустертая.
 Она поднесла ее ближе к свету.
 Внутри круга — цветок. Или пламя? Нет. Перевернутый знак был похож на лепесток, обвитый тонкой линией.
 Метка на запястье вдруг дернулась.
 Не больно.
 Предупреждающе.
 Нина замерла.
 Перед глазами вспыхнула память: прежняя Эвелина сидит у окна в своих покоях. На коленях — не письмо, а маленькая серебряная пластина. Она проводит пальцем по знаку Роуенов и шепчет:
 — Если подделают мой голос, ищи ошибку там, где они не знают меня.
 Картинка погасла.
 Нина медленно перевернула письмо.
 На обороте было пусто.
 Но пальцы чувствовали под бумагой слабую неровность.
 — Нужен нож, — сказала она.
 Дамиан насторожился.
 — Зачем?
 — Резать.
 — Письмо?
 — Нет, вашу любовную биографию. Конечно письмо.
 Октавия шагнула вперед:
 — Не смейте портить свидетельство.
 — Если оно настоящее, ему нечего бояться.
 Ридан вынул небольшой нож и протянул рукоятку вперед.
 Дамиан посмотрел на него, но капитан не отвел взгляда.
 Нина взяла нож.
 Руки дрожали, поэтому она положила письмо на стол и осторожно поддела край восковой печати. Воск треснул. Под ним оказалась не просто бумага. Тонкий второй слой, приклеенный к листу.
 Нэрис, вернувшийся быстрее, чем ожидалось, замер на пороге.
 — Не двигайте.
 Он подошел, достал из футляра тонкую костяную пластинку и аккуратно отделил слой.
 Под ним проступила строка.
 Совсем другая. Написанная более тонким почерком.
 “Если это найдут после моей смерти, знайте: письма не мои”.
 В комнате стало так тихо, что даже Сердце под замком будто ударило осторожнее.
 Тая закрыла рот ладонью.
 Кайрен перестал дышать с обычной насмешливой легкостью.
 Дамиан смотрел на строку.
 Нина не дала себе смотреть на него. Не хотела видеть его позднее потрясение. Прежняя Эвелина оставила это не ему. Не мужу, который не поверил.
 Себе.
 Той, кто придет после.
 Нина провела пальцем над строкой, не касаясь.
 — Умница, — прошептала она.
 Тая тихо заплакала.
 Октавия опустилась в кресло так, будто у нее впервые подкосились ноги.
 Мелла попятилась.
 Ридан шагнул к двери, перекрывая ей путь.
 — Стоять.
 Горничная всхлипнула:
 — Я не знала!
 Нина подняла глаза.
 — Чего?
 — Я не знала, что там... что там внутри...
 — Зато знали, где искать.
 Мелла закрыла лицо руками.
 Октавия резко сказала:
 — Не при всех.
 Нина повернулась к ней.
 — При всех. Сегодня у нас день свидетелей.
 Дамиан наконец произнес:
 — Кто дал тебе письма, Мелла?
 Голос был тихий.
 Опасный.
 Мелла задрожала сильнее.
 —

Я не могу...
 — Можешь, — сказал Ридан. — Или пойдешь в нижнюю караульную.
 — Мне сказали только положить их! Я не знала, что госпожа... что она очнется и начнет...
 — Думать? — подсказала Нина.
 Мелла всхлипнула.
 — Мне передала Риса из лекарского крыла. Сказала, что это приказ леди Октавии.
 Октавия побледнела от ярости:
 — Ложь.
 — Я поверила! Она сказала, что старые письма нужно найти при сборе вещей, чтобы... чтобы защитить дом от скандала.
 — Где Риса? — спросил Дамиан.
 Ридан уже развернулся к стражнику:
 — Найти. Немедленно.
 Стражник ушел.
 Нина смотрела на Меллу.
 — Что вам обещали?
 — Ничего.
 — Мелла.
 — Место в хозяйской прачечной для моей дочери, — выдохнула горничная. — И серебро. Немного.
 Октавия закрыла глаза.
 Нина не пожалела Меллу. Не сейчас. Каждый в этом доме находил красивую причину подложить чужую жизнь под чужие сапоги: род, дочь, страх, серебро, приказ.
 Но жалость к прежней Эвелине была сильнее.
 — Запишите ее слова, — сказала Нина.
 Нэрис уже писал.
 — Слово в слово.
 — И добавьте, что письма содержали скрытую запись прежней Эвелины.
 — Добавляю.
 Дамиан протянул руку к письму, но остановился, не коснувшись.
 — Можно?
 Вопрос был тихий.
 Нина посмотрела на него.
 Ей хотелось сказать “нет”. Хотелось заставить его стоять в стороне от чужой боли, как он стоял три года. Но это было доказательство. А доказательства не должны служить мести.
 Она кивнула.
 Дамиан взял письмо осторожно, как берут обломок кости.
 Прочитал строку.
 Лицо его стало жестче.
 — Она знала.
 — Да, — сказала Нина. — И пыталась сказать.
 Он закрыл глаза.
 — Я не...
 — Не услышали. Не поверили. Не проверили. Выберите формулировку, которая меньше режет слух.
 Он открыл глаза.
 — Ни одна не режет достаточно.
 Нина замолчала.
 Это опять было опасно. Он не оправдывался. А мужчина, который перестает оправдываться, начинает либо меняться, либо готовиться к большому красивому жесту вместо настоящей платы.
 Нина предпочитала документы.
 — Мастер Фаль, сравнение почерка.
 Нэрис положил рядом настоящую записку Эвелины. Нина придвинула ее к письмам.
 С первого взгляда — похоже.
 Со второго — нет.
 — Наклон слишком ровный, — сказала она. — Эвелина в настоящем письме к концу строки уводит буквы ниже. Здесь все держится одинаково.
 Нэрис кивнул.
 — Верно.
 — В настоящем письме она сокращает титул Марка после первого обращения. Здесь каждый раз пишет полностью.
 — Тоже верно.
 — Она не использует жасмин. Не пишет “мой светлый господин”. И вот это...
 Нина ткнула пальцем в одну фразу.
 “Я не вынесу ледяного молчания Крайтхолла”.
 — Это писал человек, который думает, что несчастные женщины обязаны выражаться красиво.
 Кайрен сказал:
 — Таких людей надо судить отдельно.
 — Поддерживаю.
 Нэрис изучил чернила.
 — Бумага старая, но чернила свежие. Не старше месяца.
 — Письма якобы когда написаны?
 — Судя по датам, год назад.
 — Вот и все.
 Октавия тихо сказала:
 — Для Суда этого будет недостаточно.
 Нина посмотрела на нее с усталой злостью.
 — Вы хоть раз за это утро сказали что-то не в пользу тех, кто пытался меня уничтожить?
 Старая хозяйка подняла голову.
 — Я говорю в пользу дома.
 — Тогда запомните: дом — это не стены, не герб и не мужчины, которым неудобно признать вину. Дом — это еще и женщина, которую вы велели терпеть, пока ее травили.
 Октавия побледнела.
 Нина продолжила тише:
 — Вы можете считать меня угрозой. Но если вам действительно дорог Крайтхолл, начните бояться не меня. Начните бояться тех, кому было выгодно, чтобы я умерла молча.
 Дверь распахнулась.
 Стражник Ридана вошел слишком быстро.
 — Капитан.
 — Что?
 — Рису нашли в лекарском крыле.
 — Живую?
 — Да. Но она пыталась сжечь бумаги.
 Нина поднялась.
 — Ведите.
 Мавина шагнула к ней:
 — Нет.
 — Да.
 — Вы не дойдете.
 — Значит, донесете меня на упрямстве. Оно у меня пока лучше крови работает.
 Дамиан сказал:
 — Я пойду.
 — Пойдете, — согласилась Нина. —

Но не вместо меня.
 — Это может быть ловушка.
 — Все в этом доме ловушка, если смотреть достаточно честно.
 Ридан сказал:
 — Я подготовлю людей.
 — Без шума, — приказал Дамиан.
 Нина добавила:
 — И без возможности Рисе случайно умереть до разговора.
 Ридан встретил ее взгляд.
 — Понял, миледи.
 Они пошли к лекарскому крылу уже почти всей странной процессией. Нина — в центре, Тая рядом, Кайрен чуть сбоку, Ридан впереди, Дамиан за левым плечом, Октавия позади, Нэрис с письмами и записями под рукой.
 Слуги разбегались.
 Слухи теперь не шептались — они дышали из каждой щели.
 Нина чувствовала, как дом смотрит.
 Не глазами. Камнем, дверями, огнем в чашах, старыми портретами. Крайтхолл привык к женам, которых убирали в тишину. А теперь одна из них шла по коридору после собственной смерти, требовала документы, вскрывала поддельные письма и тащила за собой самого дракона, который еще вчера велел ей не устраивать сцену.
 В лекарском крыле пахло травами, уксусом и дымом.
 Риса оказалась молодой женщиной с острым лицом и красными от слез глазами. Ее держали двое стражников. На столе рядом лежали обгоревшие листы, пузырьки и маленькая пепельная коробочка.
 Мавина резко подошла к коробочке.
 — Это не мое.
 — Чье? — спросила Нина.
 Лекарь осторожно открыла крышку, понюхала и сразу отстранилась.
 — Пепел сна. Его добавляют в настойки, чтобы подавить волю и вызвать слабость.
 Тая тихо ахнула:
 — Госпоже давали настойку каждый вечер...
 Риса заплакала.
 — Я не знала! Клянусь, я не знала, что это убьет ее!
 Нина остановилась напротив нее.
 — Кто давал?
 Риса молчала.
 Дамиан шагнул вперед.
 Воздух в комнате стал жарким.
 — Имя.
 Риса затряслась.
 Нина подняла руку.
 — Нет.
 Дамиан остановился.
 Она посмотрела на Рису сама.
 — Он может напугать тебя. Я могу понять тебя. Выбирай, кому отвечать.
 Риса подняла на нее мокрые глаза.
 — Поймете?
 — Нет. Но выслушаю.
 — У меня брат в долговой яме Вейров. Мне сказали, если я не буду подмешивать порошок, его отправят на рудники. Я думала, вам просто будет легче спать. Лекарь Грэх говорил, что вы тревожная, что Сердце вас мучает...
 — Кто сказал подложить письма?
 — Грэх. Через Меллу. Сказал, если начнется шум, надо показать, что вы давно хотели бежать.
 — Где Грэх?
 — Не знаю.
 — Ложь.
 Риса сжалась.
 Нина наклонилась чуть ближе.
 — Подумайте. Сейчас вас могут сделать крайней. Грэх исчез, Вейры откажутся, Мелла скажет, что вы велели. Единственное, что у вас есть, — полезная правда.
 Риса задышала чаще.
 — Он говорил... говорил, что уйдет через старые ворота у соколиной башни. Там есть ход к дороге на фьорд. Его должен был ждать человек с пепельным знаком.
 Ридан уже отдавал приказ стражникам.
 Кайрен сказал:
 — Соколиная башня закрыта десять лет.
 Октавия тихо ответила:
 — Не для тех, кто знает нижние ключи.
 Нина обернулась к ней.
 — У кого они?
 Старая хозяйка молчала.
 Дамиан посмотрел на мать.
 — У кого?
 Октавия сказала:
 — Один был у меня. Второй у хранителя. Третий...
 Нэрис нахмурился.
 — Третий пропал после смерти прежнего управляющего.
 — Нет, — прошептала Риса.
 Все повернулись к ней.
 — Не пропал. Лекарь Грэх показывал ключ. Черный, с птичьей головкой.
 Нэрис побледнел.
 — Этого не может быть.
 Нина почти улыбнулась.
 — Добро пожаловать в наше любимое слово.
 Дамиан повернулся к Ридану:
 — Соколиная башня. Немедленно.
 Капитан ушел.
 Нина посмотрела на обгоревшие бумаги.
 — Что она пыталась сжечь?
 Мавина осторожно развернула один уцелевший край.
 — Лекарские назначения.
 Нэрис подошел ближе.
 — Даты?
 — За последние месяцы.
 Нина увидела на одном листе знакомое имя: Лиора Вейр.
 — Вот это.
 Мавина взяла лист.
 — “Настойка для леди Эвелины по рекомендации леди Лиоры Вейр, согласовано с лекарем Грэхом...”
 Дамиан побелел.
 Нина не стала на него смотреть.
 Пока.
 — Лиора назначала мне лекарства?
 Мавина сжала губы.
 — Она не имела права.
 — Но имела доступ.
 Риса всхлипнула:
 — Она приходила.

Несколько раз. Говорила, что знает, как помочь метке. Что вы мешаете Сердцу, сами того не желая. Что если вас успокоить, всем станет легче.
— Всем, кроме меня.
Риса заплакала сильнее.
Нина выпрямилась.
— Записать. Все.
Нэрис писал уже с такой скоростью, будто боялся, что правда снова попытается умереть.
Дамиан стоял неподвижно.
И молчал.
Нина наконец посмотрела на него.
— Вы знали?
Он поднял глаза.
— Нет.
— Верили бы, если бы Эвелина сказала?
Он не ответил.
Вот теперь было честно.
Нина кивнула.
— Спасибо. Молчание иногда точнее признания.
Он вздрогнул, но не оправдался.
В коридоре раздались быстрые шаги.
Ридан вернулся, и по его лицу Нина поняла: поздно.
— Грэх ушел, — сказал капитан. — Через соколиную башню. Нашли свежие следы и сожженный пепельный знак. Люди уже пошли за ним.
— Один?
— Нет. Судя по следам, его ждали двое.
— Вейры, — сказал Кайрен.
Октавия тихо произнесла:
— Это еще надо доказать.
Нина повернулась к ней.
— Доказательства у нас теперь появляются быстрее, чем вы успеваете сомневаться.
В этот момент за окном лекарского крыла ударил колокол.
Один раз.
Потом второй.
Дамиан резко повернулся:
— Ворота.
Кайрен подошел к окну и выглянул вниз.
Его лицо стало серьезным.
— Гости.
— Кто?
— спросила Нина.
Кайрен медленно обернулся.
— Дом Вейров. С лордом Севаром во главе.
В комнате запах пепла вдруг стал сильнее.
Нина посмотрела на письма, на коробочку с пеплом сна, на обгоревшие назначения, на Рису, на Дамиана.
Потом на свое запястье, где тонкая золотая нить пересекала черную трещину.
— Отлично, — сказала она. — Значит, начнем знакомство с вопроса, почему его дочь назначала лекарства чужой жене.
Дамиан шагнул к двери.
— Ты не выйдешь к ним сейчас.
Нина подняла взгляд.
— Выйду.
— Ты едва держишься.
— Зато правда сегодня держится хуже. Ее надо поддержать.
— Эвелина...
— Нина, — едва не сказала она, но вовремя остановилась.
Вместо этого выпрямилась и произнесла:
— Лорд Эштар, если вы хотите хотя бы начать исправлять то, что натворили, не закрывайте меня за спиной в тот миг, когда враги входят через главный вход.
Он смотрел на нее долго.
Потом кивнул.
— Хорошо. Но рядом будут Ридан и Кайрен.
— И Тая.
— Тая?
— Тая видела начало. Пусть увидит, что молчание закончилось.
Служанка испуганно распахнула глаза.
— Миледи, я...
— Не бойся. Говорить буду я.
Тая побледнела, но кивнула.
Они вышли из лекарского крыла.
На лестнице Нина задержалась только на секунду. Внизу уже слышались голоса. Мужской, уверенный, чуть насмешливый. Женский — мягкий, знакомый, с отравленной нежностью.
Лиора вернулась в зал не как изгнанная любовница.
Как дочь сильного дома, за спиной которой стоял отец.
Нина медленно пошла вниз.
Каждый шаг отдавался в метке. Каждая вспышка боли напоминала: прежняя Эвелина не дошла бы.
А она дойдет.
В главном зале Крайтхолла у длинного стола стоял лорд Севар Вейр.
Высокий, седой, сухощавый, с красивым лицом человека, который давно привык, что закон говорит его голосом. На пальце — пепельный перстень. Рядом с ним Лиора в серебристом платье, бледная, но собранная. В ее глазах мелькнуло раздражение, когда она увидела Нину на лестнице.
Севар поклонился Дамиану.
— Милорд Эштар. До нас дошли тревожные слухи. Я счел необходимым прибыть лично, чтобы защитить честь моей дочери от возможной ошибки.
Нина спустилась на последнюю ступень.
— Как заботливо.
Севар повернулся к ней.
На миг его взгляд стал острым.
Он не ожидал увидеть ее на ногах.
Хорошо.
— Леди Эвелина, — произнес он мягко. — Рад видеть вас в сознании.
— Уверена, это чувство для вас новое.
В зале стало тихо.
Лиора вскинула подбородок.
— Отец приехал помочь уладить недоразумение.
— Недоразумение — это когда путают соль с сахаром, леди Лиора. А когда любовницу находят в покоех чужого мужа рядом с чашей клятвенного пепла, слово обычно длиннее.
Севар едва заметно улыбнулся.
— Боль делает вас резкой.
— Нет. Резкой меня делает

опыт. Боль только уточняет адрес.
 Он чуть прищурился.
 — Какой адрес?
 Нина сделала шаг вперед.
 Тая осталась позади, но не убежала. Кайрен встал справа. Ридан — у дверей. Дамиан — слева и чуть сзади, не заслоняя ее.
 Нина отметила.
 — Дом Вейров, — сказала она.
 Лиора побледнела.
 Севар не изменился лицом.
 — Серьезное обвинение.
 — Это пока направление разговора.
 — И о чем же вы хотите говорить?
 Нина подняла руку с поврежденной меткой.
 — О письмах, которых я не писала. О лекарствах, которые мне давали. О лекаре, который сбежал через соколиную башню. И о том, почему имя вашей дочери стоит в назначениях к моим настойкам.
 Севар медленно перевел взгляд на Лиору.
 Та впервые не смогла улыбнуться сразу.
 И именно в эту короткую паузу Нина поняла: попала.
 Не в сердце заговора.
 Пока только в край.
 Но кровь уже показалась.

Глава 5. Семь дней до Суда Пламени

Лорд Севар Вейр не был похож на человека, которого легко застать врасплох. Нина поняла это по его глазам. Лицо оставалось спокойным, почти сочувственным, губы держали мягкую, приличную линию, плечи не дрогнули. Но глаза на одно короткое мгновение стали пустыми. Не растерянными, не испуганными — расчетливыми. Так смотрят не на женщину, которую считают больной, а на досадную ошибку в заранее выверенном плане. Потом он снова стал любезным. — Леди Эвелина, — сказал он с тихим укором, — я вижу, ночь была для вас тяжелой. Но не стоит превращать боль в обвинения, которые могут навредить не только вам, но и всему дому Эштаров. Нина медленно спустилась с последней ступени. Каждый шаг отдавался в метке болью, но она уже умела отделять боль от слабости. Боль — это сигнал. Слабость — когда тебе говорят, что из-за боли ты должна молчать. — Как быстро вы заговорили о пользе для дома Эштаров, лорд Вейр, — сказала она. — Почти как человек, который уже знает, где в этом доме самые удобные двери. Лиора шагнула вперед: — Вы оскорбляете моего отца. — Нет. Пока я задаю вопросы. Оскорбления начнутся, если ответы будут глупыми. Кайрен за ее плечом тихо кашлянул, но Нина не обернулась. Севар улыбнулся чуть шире. — Сильные слова для леди, которую еще вчера весь замок считал безнадежно больной. — Весь замок много чего считал. Например, что ваша дочь оказалась в покоях моего мужа случайно. Лиора побелела. Дамиан стоял слева от Нины, чуть позади. Она чувствовала его присутствие спиной — тяжелое, горячее, сдержанное. Он молчал. И пока это было правильно. Если бы он сейчас вышел вперед, заговорил за нее, защитил от Севара, зал увидел бы старую картину: дракон решает, жена стоит рядом. Нина не позволила бы ему. Но он, кажется, понял сам. Октавия стояла у стола, сцепив пальцы. В ее лице было слишком много борьбы: старая привычка защитить род любой ценой, ужас перед Вейрами, злость на Нину и, глубже всего, страх перед тем, что правда действительно окажется хуже позора. Ридан занял место у дверей. Его люди перекрыли проходы. Не угрожающе — пока. Но достаточно ясно, чтобы Севар заметил: уйти из разговора будет не так легко, как войти. Нэрис Фаль держал под мышкой тубус с записями, а в другой руке — кожаную папку с найденными письмами. Старик выглядел почти довольным. Не потому, что радовался беде, а потому что беда наконец начала оставлять письменные следы. — Вы упомянули назначения, — сказал Севар. — Любопытно. Моя дочь, насколько мне известно, не является вашим лекарем. — Вот именно. Лиора холодно произнесла: — Я помогала лекарю Грэху подобрать успокаивающие травы. Из милосердия. Вы страдали от приступов, леди Эвелина. Нина посмотрела на нее. В чужой памяти вспыхнуло: тонкая рука Лиоры на чашке с настойкой; мягкий голос: “Выпейте, вам станет легче”; горечь на языке; тяжелый сон; утром — слабость, будто из тела вынули кости. — Как странно, — сказала Нина. — Вчера вы помогали мне спать. Сегодня — занять мое место. Лиора приподняла подбородок. — Я не собиралась занимать ваше место. Кайрен негромко сказал: — Только плащ. Дамиан резко бросил: — Кайрен. — Молчу. Но плащ был. Севар не посмотрел на дочь. Это было важно. Хороший отец, защищающий невинную дочь, хотя бы на миг повернулся бы к ней. Севар смотрел только на Нину. — Милорд Эштар, — сказал он, переводя внимание на Дамиана, — неужели вы позволите супруге в таком состоянии бросать обвинения старшему дому без дознания? Дамиан ответил не сразу. Нина почувствовала, как зал ждет. Слуги у стен, стражники, Октавия, Лиора, даже сам Севар — все ждали, станет ли дракон снова стеной между женой и правдой. — Нет, — сказал Дамиан. Лиора чуть расслабилась. Зря. — Я не позволю бросать обвинения без дознания, — продолжил он. — Поэтому дознание начнется сегодня. У Лиоры дрогнули губы. Севар медленно повернул голову. — Прошу прощения?

— Леди Эвелина требует Суд Пламени.
Октавия закрыла глаза.
По залу прошел шорох. Даже слуги, стоявшие у стен, не удержались.
Суд Пламени.
Теперь это слово перестало быть угрозой в маленькой комнате. Оно вышло в главный зал, встало между родами, коснулось герба Эштаров над камином и знака Вейров на перстне Севара.
Лиора тихо рассмеялась.
— Это невозможно.
Нина посмотрела на нее почти с нежностью.
— В этом доме слово “невозможно” уже износилось. Поищите другое.
— Суд Пламени требует оснований.
Нина подняла пальцы и стала считать:
— Ночь измены при свидетелях. Клятвенный пепел в покоях моего мужа. Поврежденная брачная метка. Печать подавления, наложенная на меня не менее двух лет назад. Поддельные письма, найденные слишком вовремя. Сбежавший лекарь. Назначения с вашим именем рядом с моими настойками. И знак Вейров в зале Огненного Сердца.
Последнее она сказала тише.
Севар впервые изменился лицом.
Не сильно. Только исчезла мягкая улыбка.
— В зале Сердца?
Дамиан сделал шаг вперед.
— Да.
Теперь Севар повернулся к нему полностью.
— Это серьезное заявление, милорд. Надеюсь, вы понимаете, что видение поврежденной клятвы может быть истолковано ошибочно.
Нэрис Фаль сухо сказал:
— Поврежденная клятва, как правило, ошибочно истолковывается до тех пор, пока не убивает кого-нибудь окончательно.
Севар посмотрел на старика.
— Мастер Фаль. Я слышал, с возрастом архивисты становятся осторожнее.
— Нет, милорд. С возрастом мы просто меньше боимся людей, которые не умеют хранить хорошие подделки.
Кайрен восхищенно прошептал:
— Вот это я запомню.
Октавия резко произнесла:
— Хватит.
Голос старой хозяйки рассек зал. Она шагнула к центру, и на миг Нина увидела, какой Октавия была раньше: не матерью, прикрывающей позор сына, а женщиной, державшей огромный дом в кулаке так долго, что даже драконы привыкли слушать.
— Дом Эштаров не будет устраивать открытый скандал в главном зале, — сказала она. — Если есть основания для дознания, будет вызван королевский представитель.
Нина чуть прищурилась.
Вот это уже интересно.
Не отказ.
Попытка взять процедуру под контроль.
— Королевский дознаватель Суда Пламени, — сказала Нина. — Леди Аврелия Морн. Верно?
Октавия посмотрела на нее с холодным недоверием.
— Откуда вы знаете?
— Слушаю, когда люди говорят. Очень раздражающая привычка.
На самом деле имя всплыло из разговора с Нэрисом и обрывков памяти Эвелины. Та, прежняя, слышала о Морн. Боялась и надеялась одновременно. О дознавателе говорили: холодная, неподкупная, не склоняет голову перед драконьими родами. Значит, именно она нужна.
— Вызовите ее, — сказала Нина.
Севар мягко возразил:
— Королевского дознавателя не вызывают по первому требованию оскорбленной жены.
— Тогда вызовите по второму. Я повторю громче.
Лиора вспыхнула:
— Вы забываете, с кем говорите.
— С женщиной, которую нашли в покоях моего мужа, и ее отцом, чей дом странным образом всплывает в каждом следе против меня. Нет, я как раз помню.
Северные двери зала распахнулись.
Вошел человек в дорожном плаще, запыленном снизу. За ним — двое стражников с королевскими знаками на наплечниках: серебряное пламя в круге. Все обернулись.
Мужчина снял капюшон.
Точнее, не мужчина.
Женщина.
Высокая, сухая, с прямой спиной и темными волосами, собранными в тугой узел. Ей было около сорока пяти. Лицо — спокойное, не красивое и не некрасивое, а такое, на котором любые попытки произвести впечатление умирали от скуки. Глаза серые, внимательные, холодные.
Октавия застыла.
Дамиан нахмурился:
— Леди Морн?
Нина медленно перевела взгляд с Дамиана на Октавию.
Вот как.
Королевский дознаватель уже здесь.
Значит, кто-то вызвал ее раньше. До утреннего скандала. До найденных писем. Может быть, после ночного удара Сердца. А может, еще раньше.
Аврелия Морн остановилась в центре зала и коротко поклонилась, не отдавая предпочтения ни одному роду.
— Лорд Эштар. Лорд Вейр. Леди Октавия. Леди Эвелина.
Когда она произнесла

имя Эвелины, ее взгляд задержался на Нине на долю секунды дольше.
 Не жалость.
 Оценка.
 — Не ожидал вас так скоро, — сказал Дамиан.
 — Это заметно, — ответила Аврелия.
 Кайрен тихо выдохнул:
 — О, мне она уже нравится.
 Аврелия посмотрела на него.
 Кайрен мгновенно стал образцом приличия.
 — Простите.
 — Не за что. Ваши семейные впечатления редко входят в протокол, лорд Кайрен.
 Нина почти улыбнулась.
 Почти.
 Аврелия перевела взгляд на Севара.
 — По дороге в Крайтхолл я получила три сообщения. Первое — о ночном ударе Огненного Сердца. Второе — о повреждении брачной метки леди Эвелины. Третье — о прибытии дома Вейров без предварительного приглашения.
 Севар поклонился.
 — Я прибыл защитить честь дочери.
 — Честь дочери обычно защищают до того, как ее находят в покоях женатого дракона.
 В зале стало так тихо, что Нина услышала, как Тая за ее спиной судорожно вдохнула.
 Лиора побледнела.
 Севар не изменился лицом.
 — Слухи бывают жестоки.
 — Поэтому я предпочитаю документы. И свидетелей.
 Аврелия повернулась к Нине.
 — Леди Эвелина, вы в состоянии говорить?
 Дамиан сделал едва заметное движение, но остановился.
 Нина отметила и это.
 — Да.
 — Вы требуете Суд Пламени?
 — Да.
 — Основания?
 Нина перечислила снова. Уже короче. Без колкости. Фактами. Измена. Свидетели. Клятвенный пепел. Метка. Печать подавления. Поддельные письма. Сбежавший лекарь. Лекарственные назначения с именем Лиоры. Отклик Сердца и знак Вейров в нижнем зале.
 Аврелия слушала, не перебивая.
 Когда Нина закончила, дознаватель посмотрела на Нэриса:
 — Записи?
 — Здесь, — сказал старик.
 — Заключение лекаря?
 Мавина вышла вперед, бледная, но собранная.
 — Здесь, леди Морн.
 — Свидетели ночи?
 Ридан сделал шаг.
 — Я, капитан Ридан Орс. Также служанка Тая.
 Тая сжалась, но Нина чуть повернула к ней голову:
 — Дыши.
 Девушка кивнула.
 Аврелия заметила это, но ничего не сказала.
 — Письма?
 Нэрис передал папку.
 Аврелия взяла верхний лист, посмотрела на печать, потом на скрытую строку прежней Эвелины, отделенную от слоя бумаги.
 Ее лицо не изменилось.
 Но голос стал чуть жестче:
 — Кто нашел?
 Меллу привели почти сразу. Старшая горничная уже не пыталась держать достоинство. Руки у нее дрожали.
 Аврелия задала ей всего пять вопросов. Где нашла. Кто велел. Кто передал. Что обещали. Кто еще знал.
 Мелла повторила: Риса, лекарское крыло, серебро, место для дочери.
 Потом привели Рису.
 Та плакала, сбивалась, путалась, но под взглядом Аврелии даже ложь у нее, кажется, боялась выходить из рта. Она подтвердила пепел сна, настойки, Греха, указания Лиоры, побег через соколиную башню.
 Лиора слушала с лицом оскорбленной невинности.
 — Это ложь, — сказала она наконец. — Служанок запугали.
 Аврелия посмотрела на нее.
 — Вы назначали леди Эвелине настойки?
 — Я советовала лекарю мягкие травы. Это принято между женщинами одного круга.
 Нина усмехнулась.
 — Конечно. Особенно если одна из женщин потом оказывается в постели мужа другой.
 — Леди Эвелина, — сказала Аврелия.
 Не резко. Просто предупреждение.
 Нина кивнула.
 — Принято.
 Дознаватель снова повернулась к Лиоре:
 — Вы были в покоях лорда Эштара ночью?
 Лиора подняла голову.
 — Да.
 В зале снова прошел шорох.
 — По какой причине?
 — Лорду Дамиану было необходимо обсудить угрозу Сердцу. Я владею пепельной магией и могла помочь.
 — В распахнутом платье? — спросил Кайрен.
 Дамиан закрыл глаза.
 Аврелия даже не посмотрела на Кайрена, но сказала:
 — Последнее устное замечание, лорд Кайрен. Дальше я внесу вас в протокол как источник шума.
 — Молчу навсегда.
 — Это было бы чрезмерно, но полезно.
 Нина почувствовала, что при всей боли мир на секунду стал почти выносимым.
 Лиора продолжила, сцепив пальцы:
 — Мы совершали ритуал стабилизации. Леди Эвелина неправильно истолковала увиденное из-за поврежденной метки.
 — Кто разрешил ритуал с клятвенным пеплом в личных покоях главы рода? — спросила Аврелия.
 Лиора

замолчала.
 Дамиан ответил:
 — Я разрешил.
 Нина медленно повернула к нему голову.
 Он смотрел прямо на Аврелию.
 — Я знал, что Лиора работает с пеплом, — сказал Дамиан. — Я позволил ей провести обряд. Я не знал о подмене договора, печати подавления и воздействии на метку моей жены. Но присутствие Лиоры в моих покоях и нарушение брачной верности — моя вина.
 Лиора резко посмотрела на него.
 — Дамиан...
 Он не повернулся.
 Внутри Нины что-то больно сжалось.
 Не умиление. Не благодарность.
 Горечь.
 Потому что эти слова были нужны вчера. Год назад. Три года назад. В ночь, когда прежняя Эвелина стояла у двери и просила выгнать любовницу. Но правда, произнесенная поздно, все равно оставалась правдой. Ее нельзя было выбросить только потому, что она не спасла умершую.
 Аврелия Морн кивнула.
 — Признание внесено.
 Октавия резко выдохнула:
 — Дамиан, ты не обязан был...
 — Обязан, — сказал он. — В этот раз обязан.
 Октавия отвернулась.
 Севар медленно произнес:
 — Благородное признание, милорд, но оно не доказывает вины моей дочери в повреждении метки. Как и не доказывает подделки договора домом Вейров. Мы видим семейную драму, возможно, неосторожный ритуал, ложные действия отдельных слуг и сбежавшего лекаря. Но обвинять старший дом на основании истерии прислуги...
 — Осторожнее, — тихо сказала Нина.
 Севар перевел взгляд на нее.
 — С чем?
 — С привычкой называть чужие показания истерией. Я уже видела, как этим словом замазывают преступления.
 Аврелия закрыла папку.
 — На данный момент достаточно оснований для предварительного Суда Пламени.
 Лиора побледнела.
 Севар впервые резко повернулся:
 — Леди Морн, вы не можете...
 — Могу.
 — Без Совета северных родов?
 — Совет будет уведомлен. Но предварительный срок назначаю я.
 Октавия спросила глухо:
 — Когда?
 Аврелия посмотрела на Нину.
 — Через семь дней.
 Семь дней.
 Слово словно легло на плечи тяжелым плащом.
 Нина не знала, чего ожидала. Немедленного суда? Отсрочки на месяцы? Возможности подготовиться? Семь дней было одновременно много и ничтожно мало. Семь дней, чтобы разобраться в чужой жизни, в брачной клятве, в подделанном договоре, в пепельной магии, в родовых интригах и в том, кто именно убил прежнюю Эвелину.
 — Почему семь? — спросила она.
 — Потому что Огненное Сердце нестабильно. Потому что ваша метка повреждена. Потому что за меньший срок вы не соберете доказательства, а за больший замок может не выдержать.
 Севар сказал:
 — Семь дней позволят леди Эвелине уничтожить репутацию моей дочери слухами.
 Аврелия посмотрела на него.
 — В таком случае вашей дочери стоит потратить эти семь дней на доказательство невиновности.
 Лиора сжала губы.
 Нина поймала ее взгляд.
 Там уже не было мягкой улыбки. Там была ненависть.
 Вот теперь они увидели друг друга честно.
 Аврелия продолжила:
 — До Суда леди Эвелина остается в Крайтхолле под защитой короны и дома Эштаров. Ее нельзя ограничивать в передвижении без моего решения. Ей должен быть предоставлен доступ к брачному договору, архивным записям проверки метки, лекарским назначениям и личным вещам. Все найденные доказательства передаются в две копии: архиву Крайтхолла и мне.
 Нина сказала:
 — В три.
 Аврелия повернула к ней голову.
 Нэрис тихо кашлянул.
 — Архивная практика, леди Морн. Одну украдут. Вторую попытаются сжечь.
 Дознаватель несколько секунд смотрела на старика.
 — Третью копию вы передадите лично мне в закрытом конверте. Не в мою канцелярию.
 — Разумно, — сказал Нэрис.
 — Я рада вашему одобрению.
 Кайрен шепнул:
 — У них вышла бы чудесная переписка.
 Аврелия даже не обернулась:
 — Лорд Кайрен.
 — Уже молчу.
 Нина почувствовала, как ее начинает качать.
 Держалась она на злости, а злость, к сожалению, не заменяла кровь, сон и нормальное тело. Метка снова пульсировала. Зал плыл краями, лица становились слишком яркими.
 Тая шагнула ближе.
 — Миледи...
 Нина едва заметно кивнула: вижу, держусь.
 Аврелия заметила.
 — Лекарь Мавина, состояние леди Эвелины?
 — Ей нужен

покой, — сказала Мавина быстро. — Немедленно. Но метка стабильнее, чем утром.
 — Сможет участвовать в дознании?
 — Если будет отдыхать, есть и не спускаться к Сердцу без необходимости.
 Нина хотела возразить, но Мавина посмотрела на нее так, что стало понятно: лекарь тоже умеет кусаться.
 — Хорошо, — сказала Нина. — Без необходимости.
 Дамиан тихо произнес:
 — Тебя проводят в северное крыло.
 Нина повернулась к нему.
 — Не приказывайте.
 Он сжал челюсть.
 — Прошу.
 Вот это слово легло между ними странно.
 Не красиво.
 Не романтично.
 Просто непривычно.
 Нина не стала делать вид, что оно ничего не значит. Но и награждать его за один человеческий глагол не собиралась.
 — Тая проводит. Ридан выделит стражу. Мастер Фаль принесет документы, когда они будут готовы.
 Аврелия сказала:
 — Я также размещусь в Крайтхолле.
 Октавия подняла голову.
 — Вам подготовят покои в восточном крыле.
 — Нет. Рядом с северным.
 Октавия застыла.
 — Северное крыло давно не используется для гостей вашего положения.
 — Именно поэтому там меньше лишних ушей.
 Кайрен тихо пробормотал:
 — Какая женщина.
 Нина на этот раз не удержалась и посмотрела на него.
 — Вам нравится любой человек, который раздражает вашу семью?
 — Не любой. Но у леди Морн талант.
 Аврелия проигнорировала.
 — Дом Вейров остается в Крайтхолле до первичного опроса или покидает замок под обязательство явиться на Суд. Что выбираете, лорд Вейр?
 Севар улыбнулся.
 — Мы останемся. Нам нечего скрывать.
 Нина подумала: прекрасно. Значит, скрывать будут прямо здесь.
 Лиора снова надела мягкое лицо.
 — Я надеюсь, леди Эвелина, эти семь дней помогут вам успокоиться и увидеть, что вас используют против собственного брака.
 Нина посмотрела на нее устало.
 — Леди Лиора, мой брак использовали против меня задолго до того, как я начала задавать вопросы.
 — Вы говорите так, будто уже вынесли приговор.
 — Нет. Я только учусь у вас: ставлю нужные вещи в нужное место.
 Лиора не сразу поняла.
 Кайрен понял и отвернулся к окну.
 Дамиан тоже понял. На его лице мелькнула тень.
 Севар сказал:
 — Через семь дней многое станет ясно.
 — Нет, — ответила Нина. — Через семь дней многое станет официально.
 Она повернулась, чтобы уйти, и едва не упала.
 Мир резко качнулся. Колени подогнулись. Тая вскрикнула, но быстрее всех рядом оказался Дамиан. Он не схватил ее сразу. Замер на расстоянии одного движения, будто ждал разрешения, а в глазах у него впервые было не пламя, а почти паника.
 Нина ненавидела эту слабость.
 Свою — потому что тело предавало.
 Его — потому что теперь он выглядел так, будто умеет бояться за нее.
 — Можно? — спросил он хрипло.
 Смешно.
 После измены, клятвы, пепла, ночи в покоях с другой женщиной он спрашивал разрешения подать руку жене.
 Но именно так и должно было быть.
 Не потому, что это искупало.
 Потому что начинать надо с малого: не трогать без спроса.
 Нина кивнула.
 Дамиан поддержал ее за локоть. Осторожно. Почти не касаясь.
 Тело Эвелины помнило его руки иначе. Свадебная клятва. Редкие танцы. перевязка после северной стычки. Холодные пальцы, отпускающие слишком быстро. Теперь прикосновение было горячим и бережным.
 Нина отстранилась, как только смогла.
 — Достаточно.
 Он сразу убрал руку.
 Лиора наблюдала за этим с таким выражением, будто ее ударили публичнее, чем словами.
 Хорошо.
 Пусть привыкает.
 В северное крыло Нину провожали Тая, Ридан и один из людей Аврелии. Дамиан не пошел за ней. Наверное, остался с дознавателем, Севаром и собственной матерью — там тоже должен был быть разговор, и Нина впервые была рада, что не обязана присутствовать на каждом мужском попытке быть полезным.
 По дороге Тая молчала.
 Только у самой двери покоев вдруг сказала:
 — Миледи, вы правда сможете?
 Нина остановилась.
 — Что?
 — Семь дней. Суд. Лорды. Леди Лиора. Все они...
 Голос у девушки сорвался.
 Нина посмотрела на нее.
 В этой девочке было столько страха, что прежняя Эвелина, наверное, берегла ее даже в самые тяжелые дни.

Или Тая берегла Эвелину. В больших домах женская забота часто ходит по кругу: одна слабая поддерживает другую, потому что сильные заняты сохранением фасада.
 — Не знаю, — честно сказала Нина.
 Тая испугалась еще сильнее.
 — Миледи...
 — Не знаю, смогу ли победить за семь дней. Не знаю здешних законов, не знаю половины врагов, не знаю, кому можно верить. Но знаю одно: если я промолчу, они точно выиграют.
 Тая кивнула, хотя глаза у нее наполнились слезами.
 — Прежняя вы тоже пыталась, — прошептала она.
 Нина замерла.
 — Что?
 Тая быстро оглянулась на стражника, но тот стоял дальше, у поворота.
 — Она... вы... простите, миледи, я не знаю, как говорить. До болезни вы несколько раз просили передать письма лорду Дамиану лично. Я не знала, о чем они. Потом лекарь Грэх сказал, что вам нельзя волноваться, и старшая горничная запретила мне брать бумаги из ваших рук.
 Нина почувствовала холод в груди.
 — Эти письма дошли до Дамиана?
 Тая опустила глаза.
 Ответ был понятен.
 — Кто забирал?
 — Мелла. Иногда лекарь. Иногда... леди Октавия.
 Нина закрыла глаза на секунду.
 Прежняя Эвелина говорила.
 Прежняя Эвелина пыталась.
 Прежняя Эвелина не была безмолвной. Ее просто сделали такой в чужих рассказах.
 — Тая, — сказала Нина.
 — Да?
 — Вспомни все. Любые письма. Любые просьбы. Любые дни, когда Эвелина пыталась что-то передать. Даже если кажется мелочью.
 — Я попробую.
 — Не попробуешь. Вспомнишь. Это важно.
 Тая кивнула уже тверже.
 — Да, миледи.
 В покоях Нина села у окна и позволила слабости догнать себя.
 Северное крыло днем выглядело неуютнее, чем ночью. Серый свет ложился на мебель, показывая пыль в резьбе, потертые подлокотники, трещины в стенах. Комнаты не были бедными — просто забытыми. Как будто сюда складывали не вещи, а все, что дому не хотелось помнить.
 Подходящее место для ненужной жены.
 Тая принесла горячий отвар и хлеб с сыром. Нина ела через силу. Потом пришла Мавина, проверила метку, выругалась тихо и без почтения, велела спать хотя бы час. Нина согласилась только после того, как Нэрис передал через Ридана первые копии: заключение Мавины, показания Меллы и Рисы, описание отклика Сердца, изъятые поддельные письма.
 Она попросила положить все на стол рядом с кроватью.
 Мавина сказала:
 — Бумаги не убегут.
 Нина ответила:
 — В этом доме уже убегали лекарь, правда и здравый смысл. Я перестрахаюсь.
 Мавина сдалась.
 Спать оказалось труднее, чем стоять перед Вейрами.
 Едва Нина закрывала глаза, приходила прежняя Эвелина. Не призраком. Памятью. Бледная рука с письмом. Запертая дверь. Голос Меллы: “Миледи, лорд занят”. Октавия у камина: “Не унижайтесь, дитя”. Лиора в лекарском крыле: “Вы слишком хрупкая для такой силы”. Дамиан за ужином, смотрящий мимо.
 Потом другой мир: мокрый асфальт, разбитая фара, телефон с именем бывшего мужа. Нина вспомнила, как в последний день своей прошлой жизни вышла из суда с решением о разводе. На улице шел дождь. Бывший догнал ее у перехода и сказал:
 — Ну что, довольна? Разрушила все?
 Она тогда ответила:
 — Нет. Просто перестала жить в развалинах.
 Потом визг тормозов.
 Боль.
 Темнота.
 И Крайтхолл.
 Нина проснулась рывком.
 В комнате было уже темнее. За окном шел мелкий северный дождь. Тая сидела у стола и, высунув кончик языка от усердия, что-то записывала.
 — Что ты делаешь? — спросила Нина.
 Девушка вздрогнула.
 — Простите, миледи. Вы велели вспомнить. Я... я записываю, как умею.
 Нина села.
 — Дай.
 Тая принесла листы с таким видом, будто ждала наказания за каждую кривую строку.
 Записано было неровно, местами с ошибками, но достаточно понятно.
 “В первый зимний месяц госпожа просила передать лорду письмо после проверки метки. Мелла забрала. Ответа не было.
 Весной госпожа плакала после визита лекаря и сказала, что в настойке горечь не та. Я сказала Мелле. Мелла велела молчать.
 Перед праздником пепла леди Лиора приходила в малое лекарское крыло. После этого госпожа спала почти сутки.
 Три недели назад госпожа просила меня найти мастера Фаля, но меня не пустили в архивный коридор”.
 Нина читала медленно.

Каждая строка была маленьким гвоздем.
 Не смертельным по отдельности. Но вместе ими прибили прежнюю Эвелину к молчанию.
 — Хорошо, — сказала Нина.
 Тая замерла.
 — Правда?
 — Очень хорошо. Ты молодец.
 Девушка отвернулась, но Нина увидела слезы.
 — Продолжай. Вспоминай даты, людей, запахи, фразы. Все, что кажется лишним.
 — Да, миледи.
 В дверь постучали.
 Тая сразу спрятала листы, но Нина покачала головой:
 — Не прячь. Теперь это не стыд, а доказательство.
 На пороге стоял Кайрен.
 В руках — поднос с маленьким чайником и каким-то пирогом.
 — Принес взятку.
 — За что?
 — За право сообщить плохие новости до ужина.
 Нина устало потерла переносицу.
 — У вас в семье хорошие бывают?
 — Бывают, но их быстро портят традициями.
 Он вошел только после ее кивка и поставил поднос на стол.
 — Вейры остаются в западном крыле. Лиора уже плачет перед всеми, кто способен слышать.
 — О чем?
 — О том, что вы, поврежденная клятвой и потрясением, неверно истолковали ее помощь Дамиану.
 — Помощь в постели?
 — Это она называет иначе. Очень длинно и скучно.
 Нина взяла чашку.
 — Дальше.
 — Севар отправил гонца. Думаю, к союзным родам. Матушка заперлась с Дамианом и леди Морн. Ридан ищет Грэха. Нэрис ругает помощников в архиве так, что бумаги сами выползают из шкафов.
 — А вы?
 — А я решил, что вам пригодится человек, который расскажет, где в Крайтхолле могут спрятать вторую часть брачного договора.
 Нина медленно поставила чашку.
 — Говорите.
 Кайрен перестал улыбаться.
 — У Роуенов была своя копия. По старому закону, род невесты хранит пластину согласия. Без нее договор можно переписать, но нельзя закрепить окончательно.
 — Где она?
 — Должна быть у вашего брата, Марка Роуена.
 Имя отозвалось в чужой памяти болью.
 Марк. Старший брат. Улыбка, которая всегда просила прощения заранее. Письма, полные пустой заботы. Долги. Страх. “Эви, потерпи, ты же понимаешь, нашему дому нельзя ссориться с Эштарам”.
 — Он связан с Вейрами, — сказала Нина.
 — Да.
 — Насколько?
 Кайрен скривился.
 — Достаточно, чтобы я не доверил ему даже мокрую спичку.
 — Но пластина может быть у него.
 — Или у тех, кому он ее продал.
 Тая тихо сказала:
 — Госпожа однажды получила от лорда Марка письмо и после него долго сидела у окна. Потом сказала: “Он продал не меня. Он продал последнее, что могло меня защитить”.
 Нина закрыла глаза.
 Вот оно.
 Еще один кусок.
 Прежняя Эвелина знала. Или догадывалась.
 — Мне нужно письмо Марку, — сказала Нина.
 Кайрен поднял бровь.
 — Сейчас?
 — Сейчас. Официальное. Через королевского дознавателя. Пусть его вызовут в Крайтхолл до Суда.
 — Он может не приехать.
 — Тогда будет выглядеть виновным.
 — Он может приехать с Вейрами.
 — Тогда будет выглядеть еще виновнее.
 Кайрен улыбнулся.
 — Я начинаю понимать, почему вы сегодня так быстро довели всех до белого каления.
 — Потому что они привыкли, что Эвелина просит. А я требую по процедуре.
 — Процедура — страшная магия.
 — В умелых руках.
 Кайрен посмотрел на нее чуть внимательнее.
 — Где вы научились так говорить?
 Опасный вопрос.
 Нина взяла перо, которое оставил Нэрис, и проверила кончик.
 — В браке.
 Кайрен помолчал.
 — Плохой был брак.
 — Этот пока лидирует.
 — Справедливо.
 Она начала писать.
 Рука Эвелины выводила буквы медленно, но послушно. Нина диктовала себе почти вслух:
 “Лорду Марку Роуену. В связи с предстоящим Судом Пламени по делу о нарушении брачной клятвы между лордом Дамианом Эштаром и леди Эвелиной Роуен-Эштар требую вашего немедленного прибытия в Крайтхолл и предоставления родовой пластины согласия, выданной домом Роуенов при заключении брака. Отказ явиться будет рассмотрен как уклонение от свидетельства”.
 Она остановилась.
 — Слишком сухо?
 — спросил Кайрен.
 — Для брата — в самый раз.
 Тая робко сказала:
 — Прежняя госпожа называла его Марком в письмах.
 Нина посмотрела на строку “лорд Марк Роуен”.
 — Значит, пусть почувствует разницу.
 Она дописала:
 “Леди Эвелина

Роувен-Эштар. Законная жена главы дома Эштаров. Требующая Суда Пламени”.
Подпись получилась чуть дрожащей, но ясной.
Кайрен взял лист, просушил песком.
— Отнесу леди Морн.
— Не Дамиану.
— Я уже почти привык, что в этом доме появился здравый смысл.
Он ушел.
Тая вернулась к своим записям.
Нина сидела у окна, слушала дождь и пыталась собрать в голове семь дней.
Первый день — сегодня. Факты: измена, пепел, метка, письма, лекарства, Вейры, Грэх, Сердце.
Нужны: полный договор, записи проверки, настоящие письма Эвелины, след Грэха, Роувенская пластина, список тех, кто имел доступ к покоям, подтверждение роли Лиоры, связь Севара с подменой договора.
Семь дней.
В прошлой жизни Нина готовила некоторые разводы месяцами.
Здесь у нее была неделя, тело на грани обморока и дракон-муж, которого хотелось то использовать как источник информации, то выставить за дверь и больше не видеть.
К вечеру пришла Аврелия Морн.
Без свиты. Без лишней торжественности. Просто постучала, вошла после разрешения и села напротив Нины у стола.
— Как вы себя чувствуете?
— Если отвечу честно, вы запретите мне ходить.
— Если соврете плохо, тоже.
Нина устало усмехнулась.
— Держусь.
— Этого мало.
— Другого пока нет.
Аврелия кивнула, будто такой ответ ее устроил.
— Я назначила первичный порядок. Завтра утром — осмотр ваших прежних покоев. Затем архив. После полудня — опрос служанок и лекарского крыла. Вечером — проверка найденных писем пеплом.
— Пеплом Вейров?
— Королевским. Я привезла свой.
— Хорошо.
Аврелия посмотрела на листы Таи.
— Это?
— Воспоминания свидетельницы.
— Свидетельницы или служанки?
— В этом деле одно не отменяет другого.
— Верный ответ.
Нина подняла глаза.
— Вы проверяли?
— Вас?
— Да.
— Я проверяю всех.
— И что видите?
Аврелия ответила не сразу.
— Женщину, которая вчера была тихой и почти мертвой, а сегодня мыслит как человек, привыкший к допросам и бумагам. Это странно.
Нина почувствовала, как внутри все сжалось.
— Смерть меняет.
— Не всегда в сторону юридической грамотности.
Пауза стала острой.
Тая перестала писать.
Нина медленно сложила руки на столе.
— Леди Морн, если вы хотите спросить, не сошла ли я с ума, спросите прямо.
— Не сошли?
— Нет.
— Вы одержимы?
— Только желанием развестись.
У Аврелии дрогнул уголок губ.
— Это не редкость среди жен драконов.
Нина выдохнула тише, чем хотела.
Аврелия наклонилась чуть ближе.
— Я не буду сейчас задавать вопросы, ответы на которые не помогут делу. Но предупреждаю: Вейры обязательно используют вашу перемену. Они скажут, что поврежденная метка исказила разум. Что ваши показания ненадежны. Что прежняя Эвелина была слабой, а нынешняя — опасной.
— А вы?
— А я буду смотреть на доказательства.
— Даже если я странная?
— Особенно если вы странная. Странные люди иногда выживают там, где удобные умирают.
Нина впервые за весь день почувствовала к ней не просто уважение.
Доверять рано.
Но уважать можно.
Аврелия достала из папки небольшой документ.
— Ваше требование о Суде принято. Срок — семь дней. До завершения Суда вас нельзя принудить к супружескому сожителю, перевести из выбранных покоев, лишить прислуги, ограничить доступ к архиву и лекарским данным, а также заставить отказаться от иска без моего присутствия.
Нина взяла лист.
— Хорошо.
— Также, — продолжила Аврелия, — лорд Дамиан Эштар дал письменное обязательство не приближаться к вам без вашего согласия, кроме случаев прямой угрозы жизни.
Рука Нины замерла.
— Сам?
— Да.
Она не знала, что сказать.
Аврелия, кажется, не ждала.
— Это не искупает вину.
— Я знаю.
— Но делает следующие семь дней безопаснее.
Нина кивнула.
— Да.
Аврелия поднялась.
— Отдыхайте. Завтра будет тяжелее.
— Тяжелее, чем сегодня?
— Сегодня враги проверяли, умерли ли вы. Завтра они начнут понимать, что нет.
Она ушла.
Тая тихо сказала: — Мне страшно, миледи.
Нина посмотрела на окно. За стеклом дождь полз по темному небу, а

где-то внизу, под камнем, билось Огненное Сердце.
 — Мне тоже.
 — Правда?
 — Конечно. Смелость без страха бывает только у дураков и памятников.
 Тая всхлипнула и неожиданно улыбнулась.
 Поздно вечером, когда замок наконец притих, в дверь снова постучали.
 Не Кайрен: тот стучал бы веселее.
 Не Аврелия: ее стук был сухим и ровным.
 Не Ридан: стража сообщила бы заранее.
 Тая открыла после Нининого кивка и сразу застыла.
 На пороге стоял Дамиан.
 Один.
 Без плаща. Без перчаток. С темным свертком в руках.
 — Я могу войти? — спросил он.
 Нина посмотрела на него поверх стола.
 — Зачем?
 — Принес то, что должно быть у тебя.
 Он поднял сверток.
 Тая напряглась. Нина кивнула:
 — Войдите. Дверь оставить открытой.
 — Да.
 Он вошел и положил сверток на край стола, не приближаясь к ней.
 Ткань развернулась.
 Внутри лежал ключ.
 Старинный, тяжелый, из темного металла. На головке — черный дракон, обвитый золотым пламенем.
 Нина посмотрела на него.
 — Что это?
 — Ключ хозяйки Крайтхолла.
 За спиной Тая резко вдохнула.
 Нина подняла глаза на Дамиана.
 — Разве он не у вашей матери?
 — Был.
 — Она отдала?
 — Нет.
 Понятно.
 — Вы забрали.
 — Вернул владелице.
 Нина не коснулась ключа.
 — Почему сейчас?
 Дамиан смотрел на ключ, не на нее.
 — Потому что сегодня дверь Сердца открылась тебе. Потому что в договоре сказано: если Сердце отвечает жене, она имеет право на хозяйский ключ. Потому что три года назад я должен был проверить, почему тебе его не дали.
 — Но не проверили.
 — Да.
 — Почему?
 Он поднял глаза.
 Вот теперь там было не только пламя.
 Там была усталость. И стыд. И что-то темное, тяжелое, что могло стать началом раскаяния, если не позволить ему превратиться в красивую позу.
 — Потому что мне было удобно верить, что все устроено правильно.
 Нина молчала.
 Он продолжил:
 — Я не прошу прощения.
 — Разумно.
 — Не потому, что не виноват. Потому что сейчас это было бы попыткой облегчить себя, а не тебя.
 Это было слишком точно.
 Нина почувствовала раздражение. Ей не хотелось, чтобы он говорил правильно. С неправильным Дамианом было проще. Предатель, дракон, холодный муж. А этот — виноватый, умный, начинающий понимать цену слов — был опаснее.
 — Что вы хотите? — спросила она.
 — Чтобы ты взяла ключ. Не как примирение. Как право.
 Нина посмотрела на темный металл.
 Ключ хозяйки.
 Еще вчера прежняя Эвелина умерла в покоях мужа, не имея права даже выгнать любовницу.
 Сегодня ей приносили ключ.
 Поздно.
 Но не бесполезно.
 Нина взяла его.
 Металл оказался теплым.
 Где-то глубоко под замком Сердце ударило один раз.
 Тихо.
 Почти довольно.
 Дамиан услышал. Его лицо дрогнуло.
 Нина сжала ключ в ладони.
 — Это не меняет моего требования.
 — Знаю.
 — Через семь дней я все равно пойду на Суд Пламени.
 — Да.
 — И если получу право на развод, вы подпишете.
 Он смотрел на нее долго.
 Потом сказал:
 — Если Суд даст тебе свободу, я не стану удерживать.
 Слова были тихими.
 Но в них что-то треснуло.
 Не у нее.
 У него.
 Нина не стала жалеть.
 — Хорошо.
 Дамиан поклонился. Не глубоко, но иначе, чем утром. Не как слабой жене. Как человеку, чье решение имеет вес.
 Он вышел, оставив дверь открытой.
 Тая подбежала к столу и смотрела на ключ так, будто это была корона.
 — Миледи...
 Нина положила ключ рядом с письмами, заключениями и списками.
 — Не радуйся раньше времени.
 — Но это же...
 — Да. Первый кусок власти.
 Она посмотрела на черную метку, где тонкая золотая нить уже не исчезала.
 — А теперь надо понять, сколько за него придется заплатить.
 За окном дождь усилился.
 На другом конце замка, в западном крыле, горел свет. Там Вейры наверняка уже строили новую ложь.
 В хозяйском крыле Октавия, возможно, впервые за много лет сидела без ключа у пояса.
 Внизу билось Огненное Сердце, признавшее жену, которую все считали ненужной.
 А на столе перед Ниной лежали семь дней.
 Семь дней до Суда Пламени.
 Семь дней, чтобы доказать: ее брак был не просто унижен изменой. Его

использовали как оружие.
 И если этот дом привык приносить женщин в жертву красивым клятвам, то новая Эвелина собиралась начать с того, что прочитает каждую строку мелким шрифтом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.